

Партизанское РУВД г. Минска. Пытки задержанных 8–13 августа 2020 года

Общественное расследование



СОДЕРЖАНИЕ

Методология.....	4
Кратко о происходившем в Партизанском РУВД: «Мы тоже родились при Лукашенко»	6
Хронология пыток задержанных 8–13 августа 2020 года	12
8 августа 2020 года.....	14
9 августа 2020 года.....	15
00:00 – 04:00	15
20:00 – 24:00	16
10 августа 2020 года.....	18
00:00 – 04:00	18
04:00 – 08:00	20
08:00 – 12:00.....	21
16:00 – 24:00.....	22
11 августа 2020 года.....	31
00:00 – 08:00	31
08:00 – 16:00	33
16:00 – 20:00.....	37
20:00 – 24:00	40
12 августа 2020 года.....	46
00:00 – 04:00	46
04:00 – 08:00	49
08:00 – 12:00.....	50
12:00 - 16:00	54
20:00 – 24:00	55
13 августа 2020 года.....	58
00:00 – 04:00	58
08:00 – 12:00.....	60
12:00 – 16:00	60
Последствия: травмы и повреждения у задержанных	61
Лица, ответственные за пытки задержанных в Партизанском РУВД г. Минска	72
Правовая квалификация действий сотрудников силовых органов Беларуси	85

СОКРАЩЕНИЯ В ДОКУМЕНТЕ

Автозак — автомобиль для перевозки задержанных/заключенных

ДПС — дорожно-патрульная служба

ИВС — изолятор временного содержания

ИДН — Инспекция по делам несовершеннолетних

КоАП — Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях

КПЗ — камера предварительного заключения

ОДС — оперативно-дежурная служба

ОМОН — отряд милиции особого назначения

ООПП — отдел охраны правопорядка и профилактики правонарушений по массовым мероприятиям

РУВД — районное управление внутренних дел

ППС — патрульно-постовая служба милиции

УИИ — уголовно-исполнительная инспекция

УК — Уголовный кодекс Республики Беларусь

ЦИП — центр изоляции правонарушителей

МЕТОДОЛОГИЯ

Данный документ является очередным документальным свидетельством преступлений против человечности, совершенных режимом после выборов президента в Республике Беларусь в августе 2020 года. *Международный комитет по расследованию пыток в Беларуси*, выполняя свою задачу по выявлению всех случаев пыток и жестокого обращения, проводит общественное расследование происходящего в Партизанском РУВД г. Минска с 8 по 13 августа 2020 года.

Этот документ — очередное расследование случаев массовых пыток и жестокого обращения в районных управлениях внутренних дел города Минска после выборов президента Беларуси в 2020 году. Эксперты комитета ранее проанализировали, что происходило во Фрунзенском¹, Советском², Центральном³ и Московском⁴ РУВД Минска, куда, наряду

1 Общественное расследование: пытки задержанных в августе 2020-го во Фрунзенском РУВД г. Минска. https://torturesbelarus2020.org/ru/belarus-prestuplen%Do%B8_e-prot%Do%B8_v-chelovechnost%Do%B8/ (RU)
Public investigation: torture of detainees in August 2020 in the Frunzensky police department of Minsk. <https://torturesbelarus2020.org/en/belarus-zlachynstva-supracz-lyudskasczi/> (Eng)

2 Общественное расследование пыток в Советском РУВД 9–13 августа 2020 года. «Давай, давай, убивай! Всё что, забыли, в какой стране живете?» <https://torturesbelarus2020.org/ru/davaj-davaj-zabivaj-vy-shto-zabylyisa-u-yakojkraine-zhyvyyacze/> (RU)
Public Inquiry into Torture at the Sovetskoye RUVD on August 9–13, 2020. GO, GO, KILL'EM ALL! HAVE YOU FORGOTTEN WHAT COUNTRY YOU LIVE IN? <https://torturesbelarus2020.org/en/go-go-killem-all-have-you-forgotten-what-country-you-live-in/> (Eng)

3 «Вы сдохнете здесь». Узники Окрестина свидетельствуют. Общественное расследование. <https://torturesbelarus2020.org/ru/vy-sdohnete-zdes/> (RU)
«YOU WILL DIE HERE». Testimonies of the Prisoners of Akrestina. Public investigation of cases of mass torture in the Center for isolation of offenders in the city of Minsk on August 9–14, 2020 <https://torturesbelarus2020.org/en/vy-sdohnete-zdes/> (Eng)

4 Московское РУВД города Минска. Пытки задержанных 9–13 августа 2020 года. Общественное расследование. https://torturesbelarus2020.org/ru/moskovskoe_ruvd/

с Центром изоляции правонарушителей (ЦИП) в переулке Окrestина⁵ и другими отделениями милиции, доставляли задержанных 8–13 августа 2020 года.

Эксперты Международного комитета по расследованию пыток в Беларуси для целей данного расследования тщательно изучили 43 индивидуальных интервью (523 страниц текста) с людьми, которые были задержаны в городе и доставлены силовиками в Партизанское РУВД. Хронологические описания каждого дня пребывания в РУВД составлены на основании изученных интервью. Также были тщательно проанализированы предоставленные потерпевшими фотографии травм и медицинские документы (58 страниц).

Данный документ включает в себя раздел **«Последствия: травмы и повреждения у задержанных»**, анализирующий физические и психологические последствия у задержанных после пребывания в Партизанском РУВД г. Минска.

Раздел **«Лица, ответственные за пытки задержанных в Партизанском РУВД г. Минска»** содержит анализ информации, полученной из баз данных партнерских организаций и инициатив (Правозащитный центр «Вясна», «КиберПартизаны»), информации из открытых источников, социальных сетей, Telegram-каналов и показаний потерпевших.

Раздел **«Правовая квалификация действий сотрудников силовых органов Беларуси»** анализирует действия силовиков Партизанского РУВД г. Минска в соответствии с национальными нормами и стандартами международного права.

Все персональные данные и иные документы имеются у Международного комитета по расследованию пыток в Беларуси, однако в целях обеспечения безопасности наших источников и потерпевших их персональные данные в этом расследовании не разглашаются.

⁵ Центральное РУВД г. Минска. Пытки задержанных 9–13 августа 2020 года. Общественное расследование https://torturesbelarus2020.org/wp-content/uploads/2024/02/report_centr_ruvd_ru-2.pdf (RU)

Кратко о происходившем в Партизанском РУВД: «Мы тоже родились при Лукашенко»

«Видно, что пыточная... Там была лужа крови, на уровне головы, где люди упирались лбом. Были следы, круги, пятна крови. И с утра, когда приходила уборщица, она говорила: «Мне уже надоело тут кровь смыывать хлоркой». То есть это, видимо, не первый день происходило, и она была недовольна, что там кровь, и ей это надо было мыть».

Из показаний потерпевшего



На фото: Партизанское РУВД г. Минска, г. Минск, ул. Ваупшасова, 26.

В Партизанское РУВД задержанных граждан привозили с 8 по 12 августа со всего города. Всех доставленных первоначально прогоняли через коридор стоящих по обе стороны сотрудников ОМОНа и, возможно, сотрудников РУВД, которые избивали их дубинками.

Опрошенные потерпевшие свидетельствуют, что силовики задерживали их в городе в очень жесткой форме. В задержаниях принимали участие различные силовые структуры. Наряду с ОМОНом в эти дни в Минске орудовали: Специальное подразделение по борьбе с терроризмом «Алмаз»⁶, бойцы подразделения КГБ «Альфа», а также внутренние войска. Некоторые задержанные упоминали также бойцов российской армии, однако верифицировать данную информацию не представляется возможным.

Основной упор при задержаниях в городе силовики делали на молодых мужчин. Особую неприязнь они испытывали к людям спортивного телосложения, с белыми браслетами (символ поддержки альтернативных кандидатов на президентских выборах), проверяли парней на наличие режущих инструментов (перочинных ножей), спортивного инвентаря. Задержания, как правило, происходили в вечернее время, когда люди возвращались с работы, занимались спортом или просто находились на улицах города. В результате в РУВД попадало множество случайных прохожих, среди которых оказывались несовершеннолетние, пожилые люди и женщины. Среди задержанных в Партизанском РУВД были также иностранные граждане: Германии, Грузии, Индии.

Людей жестоко избивали дубинками, руками — как при задержании, так и при перевозке в РУВД. В Партизанском РУВД избиения и жестокое обращение с задержанными продолжались.

Как удалось выяснить авторам расследования, на территории и в помещениях Партизанского РУВД с 8 по 13 августа осуществляли свою деятельность сотрудники Министерства внутренних дел Республики Беларусь (милиция), переодетые в спецформу, предназначенную для особых ситуаций (черная униформа без опознавательных знаков, берцы, усиленные перчатки, балаклавы). Из спецсредств сотрудники были оснащены резиновыми дубинками⁷ и имели при себе табельное оружие. Именно из-за необычной для сотрудников РУВД формы многие потерпевшие считали, что насильственные действия осуществляли не сотрудники РУВД непосредственно, а сотрудники ОМОН (отряд милиции особого назначения).

⁶ В соответствии с данными <https://theins.ru/> «The Insider», бойцы подразделения могут быть причастны к убийству Александра Тарайковского во время подавления акций протesta в Минске 10 августа 2020 года, наряду с бойцами подразделения КГБ «Альфа».

⁷ ПР-73, стандартная резиновая палка (дубинка), является спецсредством милиции в Беларуси. Ее длина составляет 65–70 см. Используется сотрудниками милиции для самообороны, отражения нападения и пресечения неповиновения правонарушителей.

«Все эти сотрудники были одеты в черную форму ОМОНовскую. Хотя это были и оперативные сотрудники, и участковые, и начальники, и замы [заместители], и все остальные. Задействованы были практически все. Все РУВД было там на месте. И всем повыдавали вот эту форму, все в берцах, в этой всей экипировке, у всех есть балаклавы. И, естественно, на территории своего РУВД они не снимали их, в том числе эти балаклавы».

Задержанных размещали в подвале⁸, актовом зале⁹ и камерах. Именно в этих помещениях людей удерживали и подвергали истязаниям.

«Они свозили этих людей... и избитые, крики, водили с этими наручниками. Всех они заводили в такое подвальное типа помещение. Там тир был расположен, где стреляют, тренируются стрелять. И вот они там на полу всех размещали. На входе в этот тир, по-моему, там есть какая-то раковина, чтобы руки мыть, еще что-то, вот такое. И там, где эта раковина была, там на полу везде была кровь».

Одновременно в разные дни в период с 8 по 13 августа в Партизанском РУВД находилось до 90–120 человек¹⁰. Все помещения были переполнены и условия содержания в них были бесчеловечные (плохое освещение, грязь, сырость, духота, отсутствие вентиляции и возможности прилечь для сна). Задержанные часами стояли на коленях, уткнувшись лицом в пол или в стену — нередко по двенадцать часов подряд.

«...это очень грустно. Это были ОМОНовцы, предположительно ОМОНовцы. Его били, когда нас всех били в самом начале, когда нас привели в этот подвал. Его били так много, что он обкакался, и его не пускали подмыться к какой-нибудь раковине. Нас никого не пускали ни к каким раковинам даже помыть руки. В какой-то момент, до того, как пришел этот страшный огромный мужчина со своей XXL-дубинкой, нам начали выдавать каждому по одной влажной салфетке

8 «Это квадратное пространство где-то 10 × 10 примерно, обычный бетонный пол, обычные стены просто покрашенные, плохое освещение» (Из показаний задержанного).

9 «Не очень большое помещение. Вдоль стены три стола стоят, 5 рядов стульев в глубину и 8 рядов в ширину — короче, зал из стульев с одним проходом посередине, между этими двумя частями этого зала. Такие белые стулья, которые уже спаяны в ряды, с отверстиями в спинках и в сиденьях, такие как в израильском посольстве» (Из показаний задержанного).

10 Точную цифру определить крайне сложно, так как люди в описываемый период времени находились в разных помещениях, и их периодически перемещали из одного помещения в другое.

и мы просто все скинулись и отдали влажные салфетки этому парню».

Некоторым задержанным дали возможность сообщить своим родным об их местонахождении, однако большинству не удалось этого сделать. Родственники задержанных стояли ночами под стенами Партизанского РУВД, пытаясь узнать хоть что-то о своих близких, но безуспешно: сотрудники им откровенно лгали, что списков задержанных у них нет.

«...моя мама провела под этим РУВД всю ночь, пытаясь объяснить сотрудникам РУВД Партизанского района... Нам же дала эта добрая женщина звонок, и следователь сказал, что мы в Партизанском РУВД. Я ей сказал: «Я в Партизанском РУВД, так вышло». Но только они настаивали, чтобы мы сказали, что нас законно задержали, но я не слышал, чтобы кто-то это сделал».

По свидетельствам потерпевших, они находились в РУВД до 12–16 часов, как правило, утром следующего дня их либо освобождали, либо перевозили в ИВС на улице Окrestina в Минске или в СИЗО в городе Жодино.

Во время пребывания в Партизанском РУВД большинству задержанных по их просьбам позволяли сходить в туалет и давали воду, однако питание не предоставлялось никому. Санитарно-гигиенические меры в связи с распространением пандемии COVID-19 не соблюдались, что создавало серьезную угрозу жизни и здоровью задержанных.

«Ни о какой еде вообще речи не шло, нам набирали воду из-под крана. Все всегда не с первого раза. «Дайте, пожалуйста, воды». Молчание. «Дайте, пожалуйста, воды». Молчание. «Можно, пожалуйста, воды?». Где-то по одному разу люди спрашивают, тогда посыпают кого-то, они идут набирают бутылку «Дариды». Нас 57 человек, это один литр «Дариды» расходится вот так. Снова воды — «Ни хера себе! Вам снова нужно воды?».

В результате многочисленных избиений при задержании, перевозке и содержании в РУВД, а также сильнейшего психологического стресса многим людям была необходима медицинская помощь. У мужчин имелись открытые кровавые раны, гематомы, повреждены связки, кости рук и ног, травмы внутренних органов. Несмотря на наличие травм, на просьбы вызвать врача сотрудники РУВД не реагировали. Медицинская помощь задержанным в помещениях РУВД не оказывалась. Среди

задержанных был онкологический больной, однако и ему не позволили передать лекарства, которые принесла мать. Потерпевшие рассказали лишь о единичных случаях приезда скорой помощи в данное РУВД для оказания помощи пострадавшим в эти дни.

Никому из задержанных не выдавали никаких документов о правонарушениях или о факте задержания. У некоторых задержанных остались на руках лишь протоколы о личном обыске. Сфальсифицированные протоколы об административных правонарушениях составлялись сотнями, при этом административных судов в Партизанском РУВД в этот период времени не проводилось.

«А вот о правонарушении и о задержании я протокол не видел, но я знаю, что он существует, потому что нам всем сказали, что протоколы на вас уже есть. Они есть в Партизанском РУВД».

Основную массу задержанных начали вывозить из РУВД 10 августа. Утром 13 августа из Партизанского РУВД увезли последних задержанных. Как правило, во время процесса погрузки в автозаки люди проходили через жестокую и бесчеловечную процедуру так называемого «ремонта»: силовики избивали людей до изнеможения. Авторы документа приводят цитату одного из потерпевших без купюр, ибо только переживший такое может описать происходящее в полной мере.

«Указал на нас и говорит: «Вот с этими по особой программе». На нас тут же налетели несколько человек, сбили с ног, начали жестко бить, затянули стяжки за спиной и начали всех по очереди закидывать в автозак. В автозак зеленый, на пол, при этом били по пути в автозак, били в тот момент, когда тебя туда закидывают. Так избиения продолжались достаточно долгое время. Ощущения времени абсолютно не воспринимаешь. Били, по моим ощущениям, до тех пор, пока они сами не устали. На моих ногах кто-то лежал — мои ноги были относительно защищены. Мне прилетело по спине, по шее, по голове. Они были дубинками, ногами, кулаками и прыгали по нам. Это был не просто акт насилия, а акт немотивированной жестокости.

Они били нас так, как будто хотели убить.

Естественно, они на нас кричали, что мы «твари, сволочи, продажные», что мы разваливаем страну, что сейчас нас вывезут в лес, убьют и закопают. Эту всю процедуру они называли «ремонтом». Они нам: «Мы вас сейчас ремонтируем. Вы

не такие, вы сломанные. Мы ремонтная бригада». В какой-то момент автозак тронулся. Нас повезли. Естественно, люди в момент избиения кричали, плакали. При этом, извини за подробности, люди гадили под себя от боли, от страха...»

Совокупность свидетельств задержанных граждан рисует ужасающую картину происходящего с беларусами в стенах Партизанского РУВД 8–13 августа 2020 года. При этом виновные в издевательствах и пытках так и не были наказаны — в отношении силовиков, которые применяли к задержанным беларусам пытки и жестокое обращение, до настоящего времени не возбуждено ни одного уголовного дела.



На фото: Тир Партизанского РУВД г. Минска, который использовался для содержания граждан, задержанных 8–13 августа 2020 года. Скриншот экрана 0:46.

Источник: [Сотрудники Партизанского РУВД Минска переехали в новое здание](#)

ХРОНОЛОГИЯ ПЫТОК ЗАДЕРЖАННЫХ

8–13 АВГУСТА 2020 ГОДА

«Ко мне подбегает человек, подставляет дуло к голове и говорит: “Тебя … (там было матное слово) что ли застрелить?”»

Из показаний потерпевшего

Основными местами содержания задержанных в Партизанском РУВД г. Минска стали не приспособленные для этого подсобные помещения. Как рассказали потерпевшие, это были два подвала с бетонными стенами и полом, один из которых, тир — с тусклым светом от нескольких лампочек, без естественного освещения и отопления.

«Перед входом в помещение, которое отдельно от самого здания РУВД, небольшой такой домик, который чисто два подвала. И какие-то кабинеты в коридоре, там я не был. Там два подвала, один — самый глубокий подвал, просто огром-

ное пространство с колоннами и тремя какими-то желтыми лампами, там мы много времени провели. Второй подвал немного выше этого, где была трэндамі большая бетонированная комната. Но там, в отличие от первого подвала, есть небольшие окошки, которые потом нам открыли ближе к утру».

«Все, отвели нас в подвал, это какой-то натурально подвал, помещение с черновым каким-то ремонтом, где оштукатурены стены, выведена стяжка пола, то есть пол бетонный, пыльный. Следующая стадия видимо плиткой укладывать собирались, не знаю. И висит одна или две одиноких лампочки Ильича под потолком».

Именно в этом подвале происходили избиения и издевательства над задержанными в городе гражданами.

«Что еще из РУВД? Мы сидели сначала на коленях, потом лежали на животах, лицом в пол, потом на спину нас ставили, потом опять на колени. Развлекались. Все это лицом в пол либо в стену».

Все основные процедуры (досмотр, оформление, описание вещей, дактилоскопия) происходили также на цокольном этаже, но уже в других помещениях. Показания многих задержанных совпадают при описаниях как мест содержания (подвалов), так и мест проведения данных процедур.

«Нас привели в коридор, поставили очень плотно, т. е. по сути ударили нас лбами в стену. Руки у нас все еще за спиной, потому что зажимы¹¹, но теперь эти зажимы сняли, чтобы мы могли отпечатки [сдать]. Там был просто коридор, как во всех государственных учреждениях: натяжной потолок, какие-то лампы самые дешевые. И там просто был коридор буквой «Т», и мы были на верхушке его, а здесь были открыты двери в кабинеты, где сидели другие работники. Они все были в черных майках, они просто что-то делали, какую-то документационную работу».

«В итоге оказалось, когда уже до меня дошла очередь, приводили в соседнее помещение, актовый зал, наверное. Зал для планерок. Потому что там стол, доска и такие сиденья напротив стола стоят, как в провинциальных железнодорожных вокзалах, железные, по три сваренные штуки».

8 августа 2020 года

«У него были стяжки строительные на руках сзади... Он неоднократно просил с него эти стяжки снять... и говорил: «Потеряю сознание, давление падает». И на что ему этот сотрудник, как мне кажется, как раз-таки в белой рубашке был, ответил что-то в духе: «Да мы вас всех вообще сейчас вывезем, убьем, вас никто искать не будет». Ну и что-то в этом духе, типа, вы животные».

Из показаний потерпевшего

Уже вечером 8 августа 2020 года к Партизанскому РУВД начали доставлять первые группы задержанных. В автозаке было не менее 15 человек, многих схватили произвольно возле станции метро «Октябрьская». Людей выводили и ставили вдоль стены лицом к ней, с поднятыми руками и широко расставленными ногами. Любая попытка изменить позу воспринималась как неповиновение, которое наказывалось ударами дубинок.

«Я сначала просто встал руками к стене. Руки чуть выше головы поставил. Потом ко мне кто-то подходил и дубинкой их расширял, типа, слишком узко они стояли».

Задержанные находились у стены продолжительное время без разрешения изменить позу. Обессиленные люди боялись потерять сознание от **сильного стресса, испуга и боли**, просили ослабить стяжки на руках — на что силовики отвечали угрозами физической расправы. Отдельно свидетели отмечали жестокость сотрудника милиции в белой рубашке¹². Белая ленточка на его руке, вероятно, насилино снятая с задержанного, носилась им демонстративно и выглядела как жест намеренного унижения.

«А он мне очень запомнился, то есть он был достаточно мерзкого поведения. Это он говорил, что вас всех убьют. Он в какой-то момент, я заметил, зашел в зал с белой ленточкой на руке. Ну то есть глумился, мне кажется, он скорее».

Около 21:00 часов задержанных по одному или парами начали уводить в подвал. В коридоре на полу лежали уже срезанные с задержанных

12

Некоторые задержанные упоминали его как начальника Партизанского РУВД г. Минска.

стяжки. Внутри помещения за столами сидели мужчины в гражданском — они регистрировали персональные данные и оформляли изъятие вещей. Во время оформления сотрудники испытывали явные сложности с учетом задержанных и их перемещением между помещениями, что указывало на недостаточную подготовку к работе даже с малочисленными группами задержанных.

«У них вообще процесс обмена информацией и логистики в полном дерьме был — они постоянно бегали, не могли понять, кто у них есть, кого у них нет».

9 августа 2020 года

«Выходил какой-то тоже большой начальник, как нам потом сказали, — начальник РУВД. Он ходил, был недоволен тем, что его заставляют ночью работать из-за нас, что мы «бегаем». Были звуки ударов, он ходил периодически, пинал людей ногой. Потом выгрузили тех парней, троих. На них больше всего кричали, и слышно было, что их бьют».

Из показаний потерпевшего

00:00 • 04:00

Около полночи задержанных перевели в соседнюю часть здания. Проход осуществляли через двор и вход с электронным замком. Здесь у задержанных снимали отпечатки пальцев и фотографировали их. Персонал продолжал действовать беспорядочно. Перед дактилоскопией, за немением мыла, людей заставляли мыть руки абразивным порошком, который разъедал руки.

«Они сами не понимали, что делать: «Заходи... стой... выходи... подожди...». Все хаотично».

«Мне говорят: «Иди мой руки». Я смотрю — мыла нет. Говорю: «У вас нет мыла». Они в панике: «Как это нет?» Принесли соуду, типа пемолюкс. Я говорю: «Да вы серьезно?»

После дактилоскопии задержанным предоставили сфальсифицированные протоколы об административных правонарушениях, в которых им приписывали «участие в нарушении общественного порядка», «выкрикивание лозунгов» и «сопротивление».

«В протоколе было: выкрикивал лозунги, приставал к гражданам, цинично нарушил порядок. Я сказал, что с этим не согласен и подpisал как несогласный».

После оформления одну из групп задержанных усадили в легковой автомобиль Geely. Людей помещали на заднее сиденье, фактически укладывая друг на друга. Процессом руководил сотрудник в белой рубашке. На передних сиденьях находились водитель без формы и сотрудник в голубой рубашке. Позже машина отправилась дальше, в сторону изолятора на улице Окrestina.

«Село трое, он сказал: “Садись еще”. Потом: “И этот тоже”. В итоге нас было пятеро на заднем сиденьи. Я сидел на колене у другого. Все это выглядело для них совершенно обычным».

20:00 • 24:00

После массовых произвольных задержаний в Минске людей доставляли на территорию Партизанского РУВД, где их грубо выгружали из автозаков, нередко буквально выбрасывая на землю. Задержанных ставили на колени на холодный асфальт, заставляли опустить голову и держать руки за спиной, укладывали лицом вниз, запрещая шевелиться или поднимать взгляд. Длительное нахождение в таком положении сопровождалось стонами, криками и просьбами о помощи тех, кому становилось плохо.

«Так мы добежали до стенки, и нас всех положили на колени... как в позе эмбриона. Лицом вниз, лежишь на коленях, голова в пол, то есть в согнутом виде, и руки сзади. И так лежали, не знаю, по ощущениям — бесконечность».

При малейших движениях или попытках поднять голову следовали удары дубинками или ногами со стороны силовиков.

«Омоновцы... могли ударить дубинкой, если задержанный дергался — “оказывал неповиновение”».

«Тоже там что-то поднял голову, хотел подышать, мне дали подзатыльник, типа, лежи лицом в пол и все».

Среди присутствующих сотрудников по-прежнему выделялся офицер в парадной форме, в белой рубашке. Он руководил другими сотрудниками и лично применял физическую силу за «неправильное» положение лежащих.

«Он командовал всеми: и омоновцами, и сотрудниками милиции, а еще лично избивал людей. Ударял людей в пах. Ударял он и меня».

Отдельным триггером для силовиков являлось наличие у задержанных белых браслетов.

«Если ему не нравилось, как кто-то стоит, он бил по ногам. Мне не досталось, я хорошо стоял. Некоторые сотрудники, когда он уходил, спрашивали про белые браслеты, что это такое... Потом начальник кого-то ударил за белый браслет».

«Там мы стояли в стену лицом, с руками, ноги расставленные. Начальник приходил периодически, и его не всегда устраивала ширина расставленных ног. Что он объяснял дубинкой периодически. Белые браслеты срывали с людей: “Что это такое?” Тот отвечал, что за альтернативного кандидата. Говорили: «Ах, ты за альтернативного кандидата?” И били. Тоже где-то час-два на это уходило».

В это время на территории Партизанского РУВД, по показаниям задержанных, возле входа лежало или стояло на коленях около сорока человек. К лежачим людям по очереди подходили сотрудники, спрашивали ФИО, дату рождения и адрес проживания.

«Из автобуса выводили по одному, завернув руки за спину и лицом к земле... возле входа уже лежало около 40 задержанных или стояли на коленях».

Многие задержанные чувствовали себя плохо, некоторых рвало — люди испытывали страдания от физического и психологического насилия. Несмотря на это, медицинская помощь никому не оказывалась: силовики отказывались вызвать скорую помощь и предоставлять лекарства.

«Кому-то из задержанных было плохо, кого-то рвало, но медицинской помощи никому не оказывали, и скорая не приезжала, лекарств никому не давали».

Из-за долгого стояния на коленях ноги немели и отекали, так что некоторые люди какое-то время просто не могли встать.

«Потому что это было очень тяжело: полностью перекрывается поток крови к ногам, то есть они вообще немеют, не чувствуешь. У меня никогда в жизни такого не было. То есть я прямо пытался, я не мог буквально двигать ногой. У меня когда-то затекали ноги, но чтобы я прямо вообще их не чувствовал...»

10 августа 2020 года

00:00 • 04:00

«Он сказал: “Они заебали, я бы их прямо здесь расстрелял”. И так мы стояли какое-то время на этой брусчатке. Они сказали: “Ведите их в подвал”. Тогда «подвал» жутковато звучало, учитывая, что до этого один из сотрудников сказал, что “Я бы их здесь расстрелял”».

Из показаний потерпевшего

После нескольких часов на улице силовики в черной спецодежде и масках начали по одному заводить задержанных в здание. Там их выстраивали вдоль стены лицом к ней, с руками за спиной. Любые попытки принять более удобную позу сопровождались ударами.

«Всех, кого заводили в помещение, выставляли вдоль стены лицом к ней и с руками за спиной. В таком положении провел около часа... За неповинование (поворачивал голову) сотрудники били».

«И всех лицом в стенку поставили. Ты головой упираешься и под наклоном стоишь. При этом нужно выдерживать правильный угол, потому что, не дай Бог, ты руки-ноги там ши-

роко поставил, подвигал, голову повернул, если тебе слишком комфортно, то тебя бьют. Поэтому ты должен стоять некомфортно».

«В таком положении, лицом в стенку, не знаю, сколько простоял, наверное, пару часов, потому что уже раннее утро было, и я просто отключался. То есть я там стоял, засыпал. Просыпался. На кого-то кричали... Я просто стоял — старался быть тише воды, ниже травы, чтобы, не дай бог, ко мне никаких претензий не было».

Далее людей по одному вызывали в кабинет, где проводился обыск, снятие отпечатков пальцев и фиксация личных данных. Задержанных фотографировали, снимали короткие видеоролики, где они называли ФИО, адрес и особые приметы.

«Потом начали по одному заводить. Сначала забрали личные вещи, то есть опись личных вещей была. Там часы, шнурки, все что в карманах есть — отдаешь. Описывают, кладут в пакет — и дальше отправляют. А потом еще повели на дактилоскопию. То есть снимали пальцы и видео записывали».

Позже сотрудники силовики в масках уехали, и людей начали вызывать на обыск гораздо быстрее. После этого некоторые сотрудники РУВД стали проявлять относительную лояльность к задержанным, в то же время следователи оставались жестокими и равнодушными.

«Когда пришел, все были очень хорошие. Дали пакет, спросили все ли в порядке, можно было даже сигареты оставить. Это были сотрудники РУВД не старше младшего лейтенанта. Следователи были очень жестокими, им было все равно».

«То есть было такое чувство, что если не сочувствовали, то хотя бы не было такой фанатической ненависти. Понимали. Нам человек рассказывал, который выводил нас в туалет, говорил, что у него вторые сутки идут, он ничего не ел, только вот покурить вышел. Нафиг мне это все надо было говорить? Начальство, было, понятное дело, намного более фанатичным. Ну, либо ОМОН».

04:00 • 08:00

Задержанных после допросов и обысков снова помещали в подвальное помещение. Там задержанные провели остаток ночи и часть следующего дня. Свидетель отмечает, что в подвале было относительно тепло, но условий для отдыха или сна не было — люди сидели или лежали на бетонном полу.

«Потом повели назад, в тот же подвал. Мы там сидели. Там уже не заставляли стоять, просто сидели и все. Кто-то пытался спать».

Туалет находился на улице, туда водили по несколько человек под присмотром милиционеров.

«Выводили в туалет по 10 человек. На улице биотуалет, потому что милиционеры говорили, что они вообще не из этого отделения и не знают, где что тут».

Свидетели отмечают, что сотрудники милиции, которые находились в РУВД, вели себя иначе, чем те, кто задерживал на улице. Они были менее агрессивными, позволяли звонить домой, иногда даже шутили.

«Разрешили позвонить. Я тогда позвонил домой и сказал, где я, что я. Они в принципе даже давали свой телефон позвонить. Шутили о том, что “я не могу дать позвонить, у меня три процента на батарее”».

При этом свидетели сообщали, что даже после постепенной разрядки обстановки в РУВД были слышны звуки избиений.

«Я сам ничего уже не видел особо, но я слышал, как кого-то били. Я слышал вздохи, когда человека бьют, это достаточно характерный звук. Такое я слышал».

Питьевая вода задержанным не предоставлялась — задержанные набирали ее самостоятельно, когда дежурный выводил их в туалет. Пищу не давали. Люди оставались в полной неопределенности, им не сообщали, что с ними будет дальше, сколько они будут находиться в РУВД.

«Воду набирали в бутылки, сами ходили куда-то к крану».

Примерно в 5:00 утра первую партию задержанных начали готовить к отправке в изолятор временного содержания. К РУВД подъехали три автозака с сотрудниками спецподразделений. Сотрудники вывели всех задержанных на улицу, построили в несколько шеренг и начали вызывать по фамилиям, чтобы надеть им стяжки. Процесс занял около часа, между собой сотрудники обсуждали, кто поедет с задержанными, а кто — на подавление протестов.

«В помещении котельной задержанные находились примерно половину дня, после чего к ним пришел сотрудник милиции и сказал, что задержанных отвезут в изолятор, потому что по ним решение не принято. Он сказал, что ему нужно освобождать РУВД, и в тюрьме будет суд, где будет определена мера пресечения».

«Примерно в 5 [часов] приехали сотрудники, у которых на нашивках были номера и нарисован алмаз. Было три автозака. Эти сотрудники всех вывели, построили перед зданием РУВД в несколько шеренг и начали называть фамилии, чтобы надеть стяжки».

Также к утру часть людей начали отпускать. Всех девушек освободили, вероятно, впоследствии им были назначены только штрафы. Среди задержанных был и иностранный гражданин — молодой мужчина из Индии, который не говорил по-русски. Его также отпустили.

«Девушек всех отпустили... Еще отпустили парня, который был гражданином Индии и даже не говорил по-русски, но его отпустили, когда всех транспортировали в Жодино».

08:00 • 12:00

Ближе к полудню началась подготовка к этапированию следующих партий задержанных. Задержанных вывели на улицу, построили в ряды и начали фиксировать руки пластиковыми монтажными стяжками, практически у всех они мгновенно пережимали кровообращение на руках.

«Нас вывели около 12 часов на улицу... ждали, пока кто-то из ОМОНовцев, либо это был какой-то АЛМАЗ, потому что у них на форме треугольники были такие зеленые. То есть это какое-то отдельное подразделение».

«Подходили, нам руки хомутами [стягивали] и в автозак запихивали. Очень сильно зажали руки, они начали синеть практически у всех».

Задержанных загоняли в автозаки группами. В тесном, душном кузове находились до 30 человек: часть сидела на лавках, часть была вынуждена лежать на полу. Один из сотрудников в маске ослаблял стяжки тем, у кого начали неметь руки, а позже старший сотрудник принес более широкие, менее травмирующие фиксаторы. Постепенно автозаки покидали территорию РУВД, направляясь к изолятору на улице Окrestина.

«Сразу нас набилось где-то 30 с чем-то человек. Кто-то уже сидел на полу, и мы все сидели плотно, был автозак с лавками двумя с этими. Мы сидели, омоновец один охранял. Начали возмущаться, что очень крепко, что руки синеют».

«Он принес нормальные хомуты. Срезали старые — новые были шире и застегнуты слабее, руки можно было чуть подвигать».

16:00 • 24:00

Приблизительно в 18 часов в РУВД доставили новые группы людей, задержанных в городе. Известно о прибытии одной группы из примерно тридцати человек и, по всей видимости, еще одной из примерно шестидесяти человек. Автозаки заезжали во двор, где их сразу же встречали сотрудники в спецодежде и масках. Задержанных выводили по одному, с заломленными за спину руками, приказывая двигаться быстро, не поднимая головы. Уже на выходе из автозака людей били — удары наносили дубинками и ногами. Во дворе всех разместили в несколько рядов вдоль стены, на асфальте. Положение, в котором их удерживали, было крайне неудобным: задержанных заставляли стоять на коленях, прижимая голову к земле и держа руки сзади.

«Привезли в Партизанское РУВД. Мы когда остановились, нам всем начали командовать «выходить». Говорят: “Бежать быстрее, голову согни”. Ты бежишь быстро, голову согбаешь, а они там уже начинают все равно быть. Потом положили нас в пару рядов, к стенке РУВД на асфальте».

«Но потом оказалось, что не важно, как ты спешишь, они просто били тебя в любом случае. Открыли: “На выход!” Я вы-

бежал в небольшой дворик, потом я узнал, что это дворик Партизанского РУВД. Я выбежал и не знал, куда бежать, там стояли двое мужчин в форме, тоже в рубашках. И вся их работа была в том, чтобы нас бить, чтобы мы побыстрее шли. Быстро мы идем или нет, просто: “Быстрее, сука!”, и ты думаешь: “Куда же быстрее?”»

Любые попытки изменить позу или поднять взгляд воспринимались как неповинение и могли повлечь новые удары.

«Стоило тебе пошевелиться и попытаться приподнять голову, принять более удобное положение, как пинали ногами, дубинками. Возможно, мне так прилетало, потому что с краю от всех стоял. Избиения были сугубо со стороны омоновцев».

«По бокам, по ягодицам, по спине. По бокам — ботинками, по спине — дубинкой, по ягодицам — когда чем: то ботинками, то дубинками. Матерились, кричали: “Не шевелиться! Мордой в пол!” — и так далее».

«Выгружали довольно жестко: каждый, кто выходил из авто-зака, получал несколько ударов ногами, руками и дубинками. Но при этом нас сразу же поставили на колени. Как только кто-то пытался пошевелиться, подняться — ему сразу же прилетало дубинкой по спине. Нас вдоль стены поставили около 30-ти человек. Может, даже больше было. Так получилось, что я был с самого края, меня выгружали последним. И мне прилетало практически от каждого, кто проходил рядом».

Со стороны сотрудников звучали угрозы, в том числе угрозы убийства.

«Всех поставили принудительно на колени, на локти, на плитку, головами вниз. Так мы стояли минут 10, пока силовики ходили, обсуждали, что им делать. Естественно, параллельно они применяли психологические какие-то приемы в плане разговора».

Сотрудники в штатском осуществляли контроль над всеми процессами, включая видеосъемку задержанных. Они командовали действиями силовиков и старались скрыть свое присутствие: задержанных ставили лицом к полу или к стене, ограничивая возможность наблюдать за тем,

кто отдает приказы. Любая попытка посмотреть на них немедленно пресекалась.

«Сотрудники в штатском. Они командовали. Соответственно, там все снимали: фото, видео делали. Они руководили всеми процессами. Но, опять же, они старались сделать так, чтобы мы меньше видели, кто и что говорит. Нас ставили лицом на пол либо лицом к стене, чтобы мы их не видели. Кто пытался на них посмотреть — тому прилетало».

Силовики уделяли повышенное внимание отдельным задержанным на основании их внешних отличий: высокого роста, длинных волос и татуировок.

«И мне прилетало практически от каждого, кто проходил рядом. Они видели: высокий, здоровый чувак с длинными волосами. Для них это тоже триггер был. Это был жесткий триггер — татуировки и волосы. Любые внешние отличительные признаки для них были супер-триггером».

Свидетели утверждают, что среди задержанных находились граждане Грузии и Германии, а также люди с именами или фамилиями, не характерными для беларусских граждан. При этом заявление об иностранном гражданстве и просьбы связаться с дипломатическими работниками приводили к новым эпизодам насилия.

«Гражданин Германии. И его били и кричали: “Я тебе покажу Германию!” И били, и он, будучи очень смелым человеком, говорил: “Свяжитесь с моим консулом” — “Я тебе покажу консула!”, — били его еще раз, и постепенно он замолчал».

Процедура первичного опроса задержанных носила унизительный и демонстративно жесткий характер. Женщина, фиксировавшая персональные данные, использовала физическое воздействие как форму командного сигнала — короткий удар ногой по телу означал, что следующий задержанный должен назвать свои данные. Такая практика подчеркивала иерархию и безусловное подчинение, превращая стандартную административную процедуру в акт психологического давления.

«Лицо с женским голосом начало спрашивать фамилию, когда кто родился, чем занимается, место работы. И делала она это следующим образом: она просто подходила и била

ногой по телу, видимо, как бы указывая, кому или что отвечать».

Женщину сопровождал сотрудник в черной форме, который также наносил по несколько ударов каждому задержанному вне зависимости от ответов на вопросы. После фиксации сведений оперативники забирали задержанного и уводили его внутрь здания РУВД.

«Это было по одному и тому же сценарию. Т. е. она говорила: “Фамилия, имя, отчество”. Никто не понимает, к кому обращаются. Мужчина, стоящий рядом с ней, бьет тебя по спине дубинкой, ты говоришь. Потом: “Дата рождения”. Ты уже знаешь, что обращаются к тебе, но тебя все равно бьют еще раз. “Кем работаешь?” Тебя бьют еще раз, ты говоришь, называешь адрес. Т. е. это такой как бы ритм вырабатывался. И так всех по очереди, по одному».

Длительное стояние в одной и той же позе приводило к онемению и отеку ног, из-за чего люди временно теряли возможность нормально двигаться.

«В тот момент, когда мне сказали встать, я не смог этого сделать, потому что в тот момент у меня настолько затекли ноги, что я их не чувствовал вообще. Я завалился на бок, сказал им, что я не чувствую ног. Один из них взял меня за ноги, ноги поднял вверх, потряс, чтобы кровь как-то прокатали. При этом легче не стало совершенно. Они меня взяли под ручки и так вот понесли в подвал».

«Но пока нас всех опрашивали, это все равно очень много времени прошло, я уже ног не чувствовал на тот момент. И я им попытался об этом сказать. Мы все стояли на коленях и я что-то спросил в духе, можно ли лечь, например. Но мне сказали: “Молчать!” и ударили по спине».

Задержанных поместили в подвальное помещение, выстроив вдоль стены с определенным положением рук и ног. Часть людей стояла на коленях с опущенной головой, почти неподвижно, что вызывало сильнейший физический и психологический дискомфорт.

«Потом нас всех подняли и отвели в РУВД в такой подвал, без обоев, просто такое большое подвальное помещение, где никого нет. Всех построили возле стенки. Сказали: “Ноги

раздвинуть, руки как-то держать". Потом уже сказали, что можете присесть, если будет совсем невмоготу».

Сотрудники требовали, чтобы задержанные, стоявшие на коленях, касались пола лбом. Любое отклонение от этого положения вызывало немедленную реакцию в виде криков и ударов дубинкой. В таких условиях длительное пребывание становилось физически невыносимым: бетонный, шероховатый пол травмировал кожу, многие получали ссадины и кровоподтеки.

«Очень большой подвал, где нас привели к стене, поставили снова на колени, снова сказали: "Лоб касается пола". Это было их требование. Если ты пытаешься перенести вес, например, немного на бедро или немного приподняться, чтобы у тебя не сами колени были, а чуть пониже колен, то это сразу крики и это сразу удары дубинкой».

«Парень через человека справа от меня говорил: "Я не чувствую ног, я не чувствую ног". Ему говорили: "Тишина! Тишина! Чтоб мы не слышали никаких жалоб!"».

«У меня после всего произошедшего три недели сходила со лба кожа. Т. е. она просто вся была содрана, потому что там бетонный пол как-то очень плохоложен, он очень шершавый, он очень неровный, и в итоге ты просто сцарапываешь до крови себе лоб».

Изначально доступ к воде в подвале регулировался не как базовая потребность, а как форма поощрения за «примерное поведение». Женщина-сотрудница открыто противопоставляла тех, кто проявлял покорность, остальным, демонстрируя, что гуманное обращение возможно лишь как награда за полное подчинение.

«Она говорила нам: "Если бы вы вели себя вот как этот задержанный, то мы бы вам, может быть, тоже дали воды, а так — как есть". Потом она ушла. Т. е. мы просто по очереди, когда узнали, что есть возможность получить воду, говорили: "Можно воду?", и нам вот эта женщина сказала, что вот человек, он примерно себя ведет, он получает воду, а вы как бы следуйте его примеру».

Во время пребывания в подвале и других помещениях внутри РУВД сотрудники в масках оказывали на задержанных психологическое

давление, в том числе в грубой форме интересовались заработком людей и суммами денег, которые люди, по версии силовиков, получили за участие в акциях протеста.

«Когда завели в это подвальное помещение, я увидел, что люди находятся в том же самом положении, как мы были во дворе. То есть на коленях, на локтях, головы вниз. Меня поставили, и в этот момент они ничего не делали, никаких переписей, никаких вопросов. Исключительно вопросы психологического характера: “Сколько вам заплатили?”, “Зачем вы устраиваете революцию?”».

«Там парень, не помню, сколько говорил, но нормально он зарабатывает. Ему: “Что тебе, сука, мало?” Бьет. Дело в том, что не было правильного ответа на вопрос “Сколько зарабатываешь?” Потому что там был парень какой-то, который, не помню, он попал на работу, но у него стажировка была, как я понял из его рассказа. Ему там какие-то копейки платили, 600 рублей, насколько помню. Они сказали: “Да что ты пиздишь! В Минске нет таких зарплат!” — и дали».

В подвале задержанные сталкивались с агрессивным обращением со стороны сотрудников, которые вместо того, чтобы оказать медицинскую помощь, наказывали за любые просьбы или жалобы. Один мужчина, который сообщил, что страдает астмой, сразу же подвергался ударам за то, что говорил о своем состоянии. Принять более удобные позы отдельные сотрудники РУВД разрешили только после того, как сотрудники в масках покинули территорию управления.

«Один из нас, мужчина средних возрастов, я не могу сказать сколько ему конкретно, но он выглядел намного старше меня, говорил, что у него астма. Он говорил: “У меня астма. Я не могу находиться в этом положении”. Его били за это».

«И когда я так стал, увидел через человека, что рядом со мной по левую руку стоял парень. От нокаута при задержании он кипел, у него, во-первых, видимо, щека разбита, у него кровь вперемешку со слюной, и это пенится. Когда получаешь нокаут, такое бывает. Но он уже не совсем в адеквате был. Я попросил, мол, помогите парню — этих РУВДшников. “Он кипит”, — говорю. Подходят: “Что с тобой? Нормально все”».

«Он все время возмущался и угрожал то юристами им, то еще чем-то. То ему плохо становилось, то еще что-то. В итоге ему принесли воду, он опять продолжил возмущаться. К нему подошел сотрудник РУВД, сказал: “Ты видишь, мы тебя не бьем. Что ты верещишь тут?” Он продолжил свою какую-то про юристов историю. И к нему подошла другая сотрудница РУВД с красными волосами. Короткая стрижка. Она согрела его дубиной и сказала: “Заткнись, падла!”».

Свидетели указывают, что время нахождения в подвале составляло примерно с семи до десяти вечера, после чего некоторых выводили по одному или в небольших группах в актовый зал для описи личных вещей, составления протоколов и дактилоскопии. Происходила фиксация внешнего вида задержанных на камеру, при этом для этой процедуры некоторых задержанных заставляли раздеваться почти полностью догола.

«Когда всех вот 35–37 человек переписали. Некоторых уводили на дактилоскопию, то есть снимать отпечатки пальцев. Многих людей, фотографировали, занимались видеосъемкой человека, непосредственно, то есть его раздевали, фотографировали все татуировки, особенности».

После того, как сотрудники в масках уехали, оставшиеся сотрудники РУВД вели себя достаточно вежливо: мужчины проявляли уважение, обращались на «вы», подробно фиксировали все личные вещи и давали возможность спокойно сидеть на металлических креслах. Исключением была одна женщина, которая проявляла беспринципную агрессию к задержанным.

«Повышенный тон звучал только со стороны женщины. Она достаточно агрессивно вела себя, но, опять-таки, никакого физического воздействия».

«Была одна женщина, которая, мягко говоря, с неприязнью общалась матами-перематами с задержанными».

В соседних кабинетах работники в черной форме занимались рутинными делами, смеялись, обсуждали новости и бытовые темы, в том числе — сообщения о насилии со стороны силовиков, воспринимая их как шутку. Такая сцена подчеркивает нормализацию насилия и безразличие системы к страданиям задержанных, для которых в тот момент происходящее было травматическим опытом.

«Они сидели в креслах, обсуждали новости. Один другому говорят: “На ТУТБАЕ пишут, что ОМОН избивает людей”, и они все смеются. Потом появляется один, по тону понятно, что он местный шутник и говорит: “А чего это вы? А вот я верю. А вот мне кажется, что почему бы на ТУТБАЕ не печатали правдивые новости про милицию? Я вот верю, что могли ударить”. И они все смеются».

После проведения всех процедур, большинству задержанных разрешили разместиться на стульях в актовом зале, где в определенный момент находилось около 50 задержанных. Однако людям даже не говорили, где они находятся.

«При всем при этом, где мы находимся, они не сказали. Я ребятам передал, что вполне возможно, мы находимся на Партизанском. Когда они задавали непосредственно вопросы: “Где находимся?”, нам отвечали: “Какая вам разница?”».

Позже, один из сотрудников, капитан, сидевший за столом, разрешил всем подойти по одному к личным вещам, взять телефон и совершить короткий звонок родственникам и сообщить о своем задержании и назвал точное местоположение задержанных.

«Один из сотрудников, который сидел за столом, сказал: “Так, хорошо, подходим по одному. Ищем свой телефон, ищем свои вещи, берем оттуда телефон и делаем звонок”. То есть практически все, кто мог, имел возможность позвонить, сделал один звонок. Я предложил людям, ребятам, которые не имели телефонов, тоже сделать звонки. Сотрудник согласился».

Задержанным не объясняли конкретные причины их ареста — лишь стандартно говорили «за участие в несанкционированном митинге». Задержания происходили хаотично, часто задолго до начала каких-либо акций, и задержанные понимали, что все они были схвачены незаконно.

«Мужчина в голубой майке, который угрожал всем своим адвокатом, говорил: “Почему я задержан, почему я здесь?”. На что он получал ответ: “За участие в несанкционированном митинге”. Он говорил: “Я не участвовал ни в каком митинге, у меня провели обыск, мою личность устанавливать не надо, паспорт мой есть, почему я вообще здесь сиджу в этом подвале?” Ему просто говорили: “Тишина!”».

В целом все задержанные отмечали лояльность капитана, который отвечал за описание личных вещей и организацию звонков родственникам. Он проявлял внимание к состоянию людей, поддерживал их и вел себя крайне вежливо, пытался обеспечить возможность хотя бы минимального комфорта. Даже когда другие сотрудники пытались вмешаться и ограничить права задержанных, капитан оставался на их стороне и демонстрировал сочувствие к положению людей.

«Он 100 % был на нашей стороне. Было видно, что ему все это неприятно и он старается максимально сгладить. Но, к сожалению, его смена закончилась в 12:00. И ночь наступила. На ночь нас оставили в РУВД».

«При этом капитан, который описывал наши личные вещи, вел себя супервежливо, даже успокаивал людей. По людям было видно, что они избитые, испуганные. При этом он всех успокаивал и подчеркнуто вежливо со всеми общался. В отличие от некоторых его коллег, которые и насмехались, и издевались».

В целом, в актовом зале рядовые сотрудники милиции, в отличие от сотрудников в штатском и от уехавших силовиков в масках, проявляли лояльное и спокойное отношение к задержанным: разрешали находиться в расслабленных позах, приносили воду.

«Там было видно, что они грызлись между собой: когда кто-то пытался унижать, избивать или еще что-то, то другой его останавливал. Вплоть до того, что я видел стычку между ними, когда один оттаскивал другого».

«Да, жестили только сотрудники в штатском. Рядовые сотрудники, ППС-ники, самый младший состав — абсолютно спокойно относились».

Задержанных группами по несколько человек водили в биотуалет на улице, который, по свидетельствам, не отвечал базовым санитарным нормам.

«Выводили в жуткий туалет на улице этого РУВД, там такая выгребная яма — видимо, для задержанных. Там такой биотуалет, который, простите, утонул уже, в чем можно утонуть».

11 августа 2020 года

«Людей было около 40–50 человек. Люди все были в состоянии разном: кого-то не трогали, кто-то был сильно избит, кто-то просил о помощи».

Из показаний потерпевшего

В ночь с 10 на 11 августа 2020 года по всей территории города Минска продолжались произвольные задержания, что приводило к постоянному увеличению количества лиц, которые доставлялись в Партизанское РУВД. Незаконное применение насилия к гражданам со стороны силовых структур продолжалось.

00:00 • 08:00

«Все начали к ночи засыпать — кто на сиденьях этих, кто на полу, кто в каких позах мог заснуть. Около 3 часов ночи слышим какие-то вопли опять, шум. Оказывается, привезли новых. Там менты между собой их называли “двадцатка”. Этую “двадцатку” точно так же, как и нас, описали. Мы слышали, как их в соседний подвал завели, они там и остались».

«Часа в 4 утра мы услышали шум во дворе. Приехал автомобиль. Тут же мы услышали много шагов — наверное, заводили следующих задержанных. В то помещение, в которое изначально нас завели».

Условия содержания в подвале РУВД оставались аналогичными, что и в предыдущие дни. Задержанным гражданам не было обеспечено адекватных условий содержания: отсутствовали места для сна, питание, достаточное количество воды, не предоставлялись необходимые лекарства. При этом сотрудники Партизанского РУВД г. Минска видели, что некоторым задержанным требовалась неотложная медицинская помощь, однако они никак не реагировали на эти обстоятельства.

«Нас было около 40 человек в этом помещении. Была первая смена, она позволяла общаться. Мы там не галтели особо, просто подсаживались: “Как тебя задержали? Что с тобой?” Видели ребят, на фоне которых ты понимаешь, что тебя очень лайтово задерживали».

«Там парень был, ему то ли набили, то ли счесали лицо при задержании. Там лицо у него — сплошная ссадина. А еще был парень полный, которому при задержании, видимо, пробили по почкам и в брюшную полость, потому что он сходил под себя, и ему выбили челюсть. Потому что, как я потом выяснил, омоновцы к толстым и здоровым дядькам таким же, как они, неровно дышат».

«Мы просили [в туалет и пить воду], но еды не было. Мы просили сами в туалет, и нас сначала непускали, говорили, что нельзя. Потом началипускать, потом была ситуация, где мы говорили: “Можно в туалет?”, нам говорили: “Сука, что вы так много ходите? Мы вас будем пиздить каждый раз, когда вы ходите в туалет”. Была еще такая ситуация, что вот этот парень с проблемой с обменом веществ, ему нужно было много пить, и ему давали много пить, но потом его непускали в туалет».

«Меня, по крайней мере, очень много били по ногам. Т. е., например, тебе говорят: “Тroe идут в туалет. Тroe встали”. Мы встаем, руки за спину. Мы вышли из подвала, лицом к стене на коридоре, ты становишься лицом к стене и тебе, естественно, бьют по ногам, чтобы ты их шире расставил. Потом, когда говорят “Направо”, я поворачиваюсь направо, милиционер с размаху — ногой — как футболист, бьет меня по ногам. Я тогда еще не знал, что когда ты в РУВД, нужно всегда двигаться с ноги, которая ближе к этому движению. Если тебе говорят направо, значит ты начинаешь с правой ноги. Я начал с левой, он ударил меня, пнул по лодыжке очень сильно, на удивление сильно, я начал падать и держаться за стену, он начал кричать “Руки за спину!”, еще раз меня пнул, я снова чуть не упал. Такое происходило несколько раз».

Ночью к задержанным периодически применялось необоснованное физическое насилие со стороны некоторых силовиков (предположительно из командного состава), остальные сотрудники РУВД видели это, но никак не реагировали. Свидетели указывают на примерное время массового избиения: 2–3 часа ночи.

«Это было ночью, часа в три ночи, когда они партию еще привезли людей. Он влетел, начал кричать, что мы все уроды, все такое. Поставил, естественно, на колени, головой в пол, но я был в конце зала, с другой стороны, до меня он особо не дошел, но он ходил выборочно бил всех дубинкой».

«Он ударил моего товарища из Германии и сказал опять занять положение на коленях, на локтях. И сказал: “Вы так у меня будете сидеть до утра”. Вся эта ситуация заняла где-то секунд 20–30, то есть он всех 47 человек поставил в таком виде. Конвоиры никак не реагировали, они сидели тихо».

Некоторые свидетели отмечали, что среди силовиков, применявшим насилие, находились представители различных спецподразделений.

«Когда этот мужчина ушел, сотрудники которые сидели за столом, они просто сидели, смотрели за нами — грубо говоря, конвоиры. Они сказали: “Ну что, ребята? Это был «Алмаз»”. Сотрудник, который зашел в помещение, сказал: “Так, вы не дергайтесь, не рыпайтесь, пока они там наверху. Вы не делайте никаких лишних движений, иначе всем прилетит”. Мы такостояли минут 20. После этого зашел сотрудник уже в синей рубашке, в милиционской синей рубашке, сказал: “Так, господа, занимаем предыдущее положение”».

Группу задержанных примерно из 20 человек, отобранных по каким-то критериям, силовики содержали отдельно от других. К ним применяли больше насилия и заставляли их оставаться в физически неудобных позах всю ночь.

«Примерно 20 человек, которые сидели в подвале. Нас выводили в туалет, мы мимо той двери проходили, видели. Они походу всю ночь просидели на коленях и мордой в пол. Я вообще не представляю, как так можно».

«Мы стояли там на коленях в этом страхе, руки за спину, я подложил кроссовки себе под колени, это прекрасно работает, я надеюсь, что этот совет никому не пригодится, но это тема. Когда ты знаешь, что ты тут на всю ночь и тебе не придется внезапно куда-то вставать и идти, подложить кроссовки под колени — это лучшее решение».

08:00 • 16:00

«Он просто сказал такую фразу... Что-то типа “их отхуячить так, чтобы они обосрались”. ...самое страшное было стоять в этих рядах, потому что ты уже слышишь, как людей до тебя

вызывают, и из автозака крики доносятся — звуки ударов и крики».

Из показаний потерпевшего

С утра 11 августа 2020 года задержанных начали выводить во внутренний двор РУВД и размещать в автозаки. Перед посадкой в автозаки задержанных заставляли бежать через «коридор», образованный силовиками, которые наносили жестокие удары дубинками по бегущим.

«Как только мы вышли из РУВД во двор, я сразу понял, что нам хана, потому что я увидел взвод омоновцев в экипировке с дубинками наперевес, которые стояли и просто нас ждали».

«Опять процедура та же: тебе РУВДшник сковывает руки и передает в руки омоновца. Омоновцы выстроились в коридор до двери автозака, и ты сквозь коридор этот боли идешь, бежишь, споткнулся — получаешь еще больше. Тебя перманентно избивают: только ты к ОМОНу попал — все, ты живешь в постоянных избиениях. Тебя бьют в этом коридоре. Ты стоишь, и там ребят — они загрузились туда в автозак — и их там продолжали бить. То есть слышны были звуки, ор этот «ааа». И ты оцепеневать от страха начинаешь, там приблизительно такое же происходит, страх реально сковывает, страх ожидания, [страх] попасть туда в эту клетку. Просто начинает сердце выпрыгивать, во-первых, из груди, пульс огромный от страха становится. И стоишь реально в ступоре каком-то. Сковали мне этими стяжками РУВДшники — и все, передали ОМОНу, и я быстро-быстро-быстро пробежал это, и как рыбка залетел в этот автозак, и как рыбка нырнул, прыгнул на других людей, потому что там укладывали штабелями просто как дрова всех в проход».

«...автозак с этими стаканами. В них начали заводить ребят, которые приехали ночью, и один из сотрудников в той же синей рубашке, он сказал другим людям в черной форме (это скорее всего был ОМОН), что когда они приедут в Жодино, устроить им по полной. То есть выводя их из автозака в Жодино, устроить им ад».

В автозаках людей принуждали ложиться друг на друга, образуя несколько плотных рядов, при этом даже в тесных кузовах машин избиения продолжались. Тех, кто не успевал зайти вовремя, избивали снаружи.

Подобные действия создавали смертельно опасные условия — с риском травм, удушья и гибели.

«Мне еще повезло, некоторые ребята стояли, когда началась погрузка в автозак, некоторые ребята не могли стоять: у них тряслись руки, ноги, кто-то подкашивался, когда ты садился, еще хуже — ему прилетало пару раз ударами дубинками. Я видел то, что ребята лежат на полу, один на одном, получается, в несколько рядов, и я просто прыгнул в кучу, плашмя туда. На меня положили парня, лет семнадцать, наверное, может, восемнадцать. Я понимаю, что ему прилетает, ему больно, а я лежу, он меня как бы закрывает. Я говорю: “Падай между мной и лавочкой”, в итоге на бок свалился, говорит, вывернул руку, но говорю: “Что делать, терпи”.

Сотрудники милиции разделяли задержанных по произвольным признакам: отдельные группы подвергались усиленному насилию — это либо «более провинившиеся», либо те, кто громко кричал от боли при избиениях.

«И нас всех вывели в тот же дворик, на ту же площадку, на которой и выгружали. Мы видим там, сколько, не помню, по-моему два с серой будкой автозака было. Называли фамилии по очереди. Первым грузили, как самых провинившихся, ту двадцатку, которую из подвала. Все, эту двадцатку вызывают, подходишь к сотруднику, он тебе связывает за спиной руки одной стяжкой. И тебя уводят. Их там в процессе эти менты были при погрузке, которые приехали, — автозаковские менты».

«Еще вспомнил деталь: в тот момент, когда нас загрузили, нас пересчитывали ударами дубинки. Ты получаешь удар и кричишь номер по порядку. Если ты кричишь недостаточно громко, ты получаешь еще один удар, и еще один удар. Чем громче ты кричал от боли или еще что-то делал, тем сильнее тебя били, поэтому я старался молчать, старался ни звука не произносить».

Над процессом загрузки в автозаки тщательно наблюдали и контролировали действия силовиков сотрудники в штатском. Именно они давали указания сотрудникам в масках жестоко избивать людей.

«И вот нас построили возле этого РУВД. Тоже называют твою фамилию, нужно сказать имя, отчество и, возможно,

год рождения, я уже не помню. И подойти спиной вперед с собранными руками сзади. Первый омоновец, который тебя ведет, он тебя ведет и бьет-бьет. Отдает второму, тот бьет. Потом на входе в автозак. Там еще один из людей в штатском сказал: “Пакуйте жестко!”»

«По одному человеку начали закидывать в автозак. Когда начали закидывать, я слышал некоторые удары по спине, и когда люди оказываются автозаке, я слышал, что их там уже начинают бить. То есть в этот момент, когда мы стояли и ждали, пока назовут нашу фамилию, мы понимали, что нас сейчас закинут — и там же начнут просто бить. Сотрудники, которые нас закидывали или там кто смотрел за всей этой процедурой, никаких приказов, ничего не говорил. Единственное, что пару раз я слышал: “Так, вот этому хватит!”».

Неадекватное насилие со стороны силовиков продолжалось и внутри автозака, где сотрудники продолжали немотивированно избивать дубинками людей, которые не представляли никакой опасности для сотрудников или окружающих. При этом у всех задержанных были скованы стяжками руки.

«Когда назвали мою фамилию, меня с завязанными сзади руками тоже лицом вниз закинули в автозак. Там уже люди были. То есть меня закинули одним из последних. Меня просто кинули на остальные тела, которые там лежали на полу. Я уперся в чьи-то ноги, ребята тоже лежали на других тела... и все это время сотрудники ОМОНа просто били. И, естественно, меня тоже начали бить без каких-либо объяснений. Никаких там вопросов не задавали, просто били по ногам, по ягодицам. Некоторым ребятам ударили по спинам, и моему товарищу, с которым нас вместе задержали, — он тоже был в одном из этих двух автозаков, — несколько раз ударили по голове».

Силовики во время избиений открыто проявляли неприязнь к задержанным из-за их политической позиции против действующего в Беларуси авторитарного режима. При немотивированном избиении задержанных сотрудники РУВД пытались скрывать свою личность, были в масках или балаклавах, а также заставляли задержанных опускать голову вниз, чтобы они не могли запомнить сотрудников.

«Они говорили: “Что? Революции тут захотели?” Просто вот в таком ключе, в таком плане — «вы революции

захотели», «вы хотите тут что, всех убить?» И продолжали просто бить дубинками. В определенный момент один из ударов мне пришелся в районе шеи, и от удара у меня случилось судорога, то есть такая конвульсия. Меня полностью... мое тело выгнуло спиной в обратную сторону, от усилия этот хомут-стяжку, которая была завязана, я порвал, и в таком положении я находился секунд 10. Когда вот этот удар пришелся, когда у меня тело вот так выгнулась, я понял, что вполне возможно сейчас что-то с телом случится и ну как бы начал уже кричать, кричал я: «У меня шок». То есть в таком положении. А один из бойцов ОМОНа, он услышал, что я кричу. «У кого тут шок?» — и начал, продолжил меня дальше бить по ногам».

16:00 • 20:00

Днем 11 августа в Партизанское РУВД г. Минска продолжили прибывать задержанные в городе граждане. Процедура была похожа на предыдущие дни: задержанных «выгружают» во двор РУВД, переписывают их данные, отводят в подвальные помещения. При этом сотрудники милиции применяли необоснованное физическое насилие на всех этапах. Со слов свидетелей, действиями по избиению руководили старшие по званию силовики.

«Приехали в Партизанское, начали выходить. Ребята из ОМОНа, честно скажу, не прилагали к нам постоянного вот такого усилия без чьей-то команды. Когда им заряжал то ли опер, то ли следователь... старший по званию, тогда они реагировали».

«Я вышел, стою. Он как увидел меня, начал по голове [бить]... «на колени, на колени», и постоянно матерщина просто лилась без конца, начал бить по копчику. Бил рукам, ногами по туловищу, по грудной клетке, по голове, то есть он меня тычет головой, он взял [мою] голову, ну то есть лбом об асфальт. Я, чтобы удары не были так сильны, прижал голову к асфальту, чтобы не было этого удара. Сотрудница РУВД — в форме, без маски — она это все видела, присутствовали штатные сотрудники РУВД, все это видели, и ничего...»

«Опер ходил... Там слышны были удары, его фразы сопровождались ударами. Постоянно угрожал: «если не так шелохнешься,

мне не понравится, — будет тяжело, грустно для вас". Сотрудница просто подхихиковала все время, когда я находился на коленях, то есть встать, лечь, встать, лечь».

«Отвели в задний двор, там стояло человек 35 в масках. Выхожу я, стою с рюкзаком. Подходит человек со специфическим голосом, скорее всего начальство, был без причины. Постоянно повторял "лечь мордой в пол, руки за голову". Головой пару раз ударили меня о плитку».

При оформлении задержанных переписывались их данные, составлялись протоколы личного обыска, производилась дактилоскопия и видеосъемка. Для сотрудников РУВД было очевидно, что задержанные были избиты, и им требовалась медицинская помощь, однако они не предпринимали никаких мер для ее оказания.

«Потом нас отвели на дактилоскопию. Я так понимаю, Следственный комитет этим занимается. Взяли у меня отпечатки. Сразу сказал женщине, что мне побили руку левую. Был такой синяк большой».

«Нас вроде как досмотрели, на тот момент нас было трое, повели в подвал, положили нас в ту же позу, били пыром¹³ в голову. Все время, что мы находились в смотровой комнате, естественно, у меня ничего не нашли. Сотрудник бил многих по печени, меня — пыром по ягодицам. Эти удары сопровождались командами, в какую позу нам лучше ложиться. Далее формальный допрос закончился, и нас повели в подвальное помещение наподобие тренажерного зала. Поставили в позу на колени».

«После этого нас повели досматривать. Привели, мы тоже легли "ноги под себя", мы лежали в такой позе, было много матта, угроз».

Некоторых задержанных сразу переводили в подвал, а их оформление происходило позже.

«Привезли в РУВД, как это было: сказали нагнуться, руки за спину, повели в подвал какой-то. Там уже было несколько че-

¹³ «Бить пыром» в футболе означает бить по мячу носком бутсы, что позволяет нанести быстрый и сильный удар, часто в условиях нехватки времени и пространства.

ловек в подвале. То же самое сказали, не смотреть по сторонам. Там уже было несколько сотрудников, как я понимаю, ОМОНа, в балаклавах этих. Майки были, вроде, с надписью ОМОН. Сразу приказали стоять около стенки, не шевелиться. Где-то на полу я увидел кровь — видимо, шла у кого-то».

«Потом нас куда-то отвели, наподобие актового зала. Там уже и девушки были. В этом актовом зале сидели девушки, я так понял, сотрудницы, заполняли акты описей. Мы там просто сидели. Потом отвели обратно».

Условия содержания задержанных в подвале были аналогичные описаным выше. Из-за страха перед насилием со стороны сотрудников задержанные практически не двигались и молчали.

«...когда адреналин спал, единственное, чего мне хотелось — это пить. Я знал, что нужно сделать один глоток. Видимо что-то сохранилось, я просто старался мало пить, чтобы не хотеть в туалет. Били тех, кто не слушался, пытался что-то спрашивать, ворочался. На этом моменте я понял, что буду просто тихонько стоять, и все. Почти сутки».

«Были люди, которых хорошенъко побили при завозе. Короче, те которых привозили, были побиты. Но их били не те, кто охранял нас, а те, кто менял их».

«Ночь вот так провели. Было холодно, пол был бетонный. Сидели, стояли, лежали. Все по разрешению. Кому-то удалось уснуть, кому-то нет».

«И по финишну нас насобиралось где-то человек около 20. Нас завели в подвал после досмотра, то есть на досмотре мы лежали на коленях, в скрутке такой типа. Да, и постоянно ходил и лупасил от злости: “Вы таких перемен хотели?”. И постоянно матерщина, там русского словарного не было».

Не все сотрудники непосредственно применяли физическую силу, однако все они были свидетелями происходящего. Помимо ударов, на задержанных сыпались оскорблений и угрозы.

«...один человек в маске подошел и отрезал кухонным ножом волосы парню с длинными косичками. Озлобленный. Вроде, не сотрудник РУВД, а тот, кто вез нас, — видно, что старший».

«Просто лежали 6 часов. Когда подходил вот этот вот опер, ну я не знаю, то ли опер, то ли следователь, именно он задавал жару. При его присутствии начинались все насильственные действия. А так понятно, что... я не видел в ребятах в масках чересчур какой-то там агрессии, они там спрашивали: “Ты будешь пить или не будешь?” Они могут вести нормальный диалог. Понятно, что ты должен головой вниз: если не так что-то, то они поправляют слегка, то есть чего-то больного они не сделали».

20:00 • 24:00

К очередной партии задержанных вечером 11 августа 2020 года во дворе Партизанского РУВД г. Минска применялось необоснованное физическое насилие как со стороны сотрудников, которые осуществляли задержание, так и со стороны сотрудников РУВД. Сотрудники РУВД продолжали фиксировать паспортные данные задержанных, осуществлять их дактилоскопирование и оперативную фото/видеосъемку.

«Сломан был мой алюминиевый монопод. Его, видимо, сломали об меня. В РУВД меня сначала били резиновой дубинкой, а потом кто-то сказал милиционеру «это тот чел с дубинкой», и он меня еще несколько раз ударил моим моноподом».

«Привели нас в Партизанское РУВД, оттуда выгружали тоже лицом в землю. Смотрите, пока бежали до, нас посадили на асфальт, на колени, ноги скрещиваешь, лбом обязательно упираешься в асфальт. Если не упираешься — тебя бьют. Пока бежали, нас тоже били. Но, опять же, после того, как меня забивали в автобусе, я считаю, что меня дальше вообще уже не били — только так, немножко направляли. Но да, били. Дубинками».

«Нас из автозака высадили, уложили всех на землю. прямо на улице на землю уложили. Особо отличившихся при идентификации — когда фамилию, год рождения, место работы спрашивали — били дубинками».

«Когда меня “выгружали” из автобуса, меня скрутили так, что я мог видеть только свои шнурки. Мои руки были связаны за спиной пластиковыми стяжками, и омоновец тянул за них вверх, и чтобы не выворачивались руки, тело само согнулось

головой вниз. Я услышал, как омоновец сказал принимающим милиционерам, — “Этих принимайте жестко!” После я почувствовал, как на моих запястьях сменились руки, и меня повели в здание. Там был длинный коридор с поворотами, и милиционер, который меня вел, бил меня головой о стену и двери. Он что-то сломал моей головой. Всего было около 7 ударов на каждом повороте. Шлем [велосипедный] они мне не сняли. После ударов о стену мой шлем раскололся, но велосипедный шлем устроен так, что он раскалывается при первом ударе, чтоб защитить голову велосипедиста. Но он должен раскалываться при очень сильных ударах. Удары были похожи на те, как когда играешь в футбол, и стоишь в защитной “стенке”, при пробитии штрафного, когда мяч попадает в затылок».

При применения физического насилия к задержанным со стороны достоверно неустановленных лиц присутствовали сотрудники РУВД, которые такое насилие не пресекали, хотя достоверно знали о незаконном характере его применения к уже задержанным, которые не совершали ничего противозаконного и не представляли опасности.

«Привезли нас, поставили у стены, руки за спиной у нас связаны, и на колени. Получается, лицом... лбом упираешься в асфальт. И у каждого, к кому подходила женщина с каким-то непознанным объектом в маске — он был по-граждански одет, спрашивают фамилию, имя, отчество. То ли это женщина была, то ли это этот оперативник, непонятно. Они просто били: “Фамилия!” — и удар последует. “Имя!” — удар следует. Мой брат, конечно, над ними угорел нормально. Они говорят: “Год рождения?”». Он говорит: “Девяносто четверты”. Они: “Блядь! Мы спрашиваем год рождения!” Он говорит: “А я вам что сказал?” Его все время лупят, короче, бьют, а он уговаривает. “...девяносто четвертый, блядь”. Ну, по сути он правду говорил всю, и все время его били, пока по очереди он не объяснил, что он такого-то такого-то месяца, такого-то такого-то дня».

«Когда у меня спросили, где я работаю, я называю место работы без указания формы собственности. У меня спрашивают — ОАО или ЗАО. Я говорю: “Я не знаю, я там недавно работаю, компания зарегистрирована в Калифорнии, может, у них вообще другие формы собственности, я не в курсе”. Меня взяли за волосы и начали бить об асфальт и спрашивать:

“Так ОАО или ЗАО?” Я говорю, мол, не знаю, и меня опять об асфальт: “Узнаем”. Я говорю: “Пусть будет ОАО”. Меня спрашивают: “Пусть будет или точно?” И начинают опять об асфальт, и так 3-4 раза. Тут у меня был большой кровавый след [свидетель указывал на лоб], но это все тоже зафиксировали, тоже это есть».

Как и ранее, сотрудники Партизанского РУВД даже не пытались соблюдать формальные юридические процедуры оформления задержанных, обеспечивать реализацию их процессуальных прав. При этом они высказывали угрозы причинения физического вреда к тем, кто пытался читать составляемые документы или задавать вопросы.

«Меня ознакомили с протоколом, я его подписал... Я пытался его прочитать. Они говорили: “Что ты там читаешь? Сейчас получишь пиздюлей...”».

«У человека, который меня снимал на видео, я спросил: “Давайте я сниму кофту, чтобы были видны на записи мои побои”. Потому что у меня на руке был прямо огромный такой синяк, гематома, у меня немели пальцы на правой руке. Я думал, что там что-то сломали, потому что руку было очень сложно поднимать, очень сложно заводить за спину. Он сказал с такой усмешкой: “Ничего видно не будет, не надейся”».

Вечером 11 августа не останавливался процесс задержаний, поэтому в Партизанское РУВД с различных мест города Минска продолжали доставляться задержанные. Насилие как со стороны сотрудников спецподразделений, так и со стороны сотрудников РУВД — продолжалось.

«Потом дошла очередь до меня, я помню эти синие гламурные кроссовки, которые мне в глаз били. Бьет просто в голову. Спрашивает фамилию, имя, отчество. Я просто его спрашиваю: “Чего вы деретесь? — говорю. — Вам что, делать нечего?” И этот “ум” просто перестал меня бить. Они меня потом уже не били, все».

«Но сначала нас положили, когда нас только завели в РУВД, на асфальт, спрашивали — имя, фамилию, место работы. Там уже была женщина — видимо сотрудник РУВД и, скажем так, если она что-то вдруг не рассышала, если кто-то недостаточно четко что-то называл, то сотрудник ОМОН — он избивал того человека, кто не очень четко произнес... Поэ-

тому там люди больше на крик перешли. “Я — такой-то, такой-то!”».

Вновь доставленные задержанные длительно содержались на улице в неестественных позах, которые причиняли им сильные физические и психологические страдания. Сотрудники милиции продолжали избивать задержанных даже при сборе персональных данных.

«И они задавали всем один и тот же вопрос: ФИО, место проживания, дата рождения, наверное, место работы всех, специальность, должность, где и кем работаете — такие вопросы. Когда до меня дошла очередь, я тоже ответил на все вопросы, спросили, кем работаю, я сказал, инженер-программист — таким тоном, который как бы подразумевает, что кто ж еще — за что получил удар по спине дубинкой. Я не знаю, кто это был, сотрудник РУВД или омоновец, все они были в масках».

Сотрудники РУВД открыто признавали, что происходящее не имеет ничего общего с установленным порядком оформления задержанных, протоколы либо не составляют либо фальсифицируют, и они явно не соответствуют реальным обстоятельствам.

«Протоколов у нас не было, конечно же. Было поздно, уже было 10 часов. Я так понял, мы там будем сутки сидеть. Когда мы спросили у этого человека, который нас обыскивал и охранял потом всю ночь, будут или не будут у нас протоколы, он прямо сказал: “Протоколы лепят”».

«Протоколы они не успели на всех записать. Забегая вперед, меня отпустили без протокола в тот раз. Думаю, много на кого так и не успели составить протокол».

«Потом я подписал это все дело и сел там на скамейке: мы ждали, пока нас будут вести на дактилоскопию и видеозапись. Потом приходил капитан в парадной форме — белая рубашка, штаны, туфли. Вызывал по 3-4 человека и водил на дактилоскопию и на съемку. Он вообще был в шоке от того, что происходит. Видно, что ему это все не по душе совершенно. У него я тоже спросил про врача, — говорю, как можно врача, как можно побои снять. Мне он сказал: “Никак, забудь. Здесь вообще ничего не будет. Здесь творится полная жестость. Просто слушай, что тебе говорят”».

Некоторых задержанных сразу помещали в подвал, не производя действий по процессуальному оформлению. А уже находясь там, сотрудники обыскивали задержанных, заставляли их занимать неестественные позы, причиняющие боль и даже приводящие к потере сознания. При этом применялось физическое насилие со стороны сотрудников правоохранительных органов. Задержанные мужчины и женщины содержались совместно.

«Нас повели в РУВД, сразу закинули в подвал. Сначала положили, смотрели дополнительно. Потом нас подняли, руки за спину, хомутов не было, лбом нужно было упираться в стену. У меня тут кровавый след был [Указывает на лоб], было очень больно, и в этот момент мне начала безумно кружиться голова, минутки 2–3 я постоял, потом упал в обморок».

«Меня притащили в подвал, там они били людей, мне сказали: “На колени!” и лодыжки скрестить, но это было сделать практически нереально, потому что меня били в это время по левому бедру... у меня фотография есть и видео, там можно посчитать. Ударов было много. 10, к примеру. У меня еще потом были синяки на спине, но это так... Основные удары пришли по бедру. Он меня бил, пока я пытался ноги скрестить, в какой-то момент я понял, что у меня не получается, он меня продолжает бить, я понимаю, что он меня просто избьет, в какой-то момент я начал делать вид, что я просто плачу буквально, давить на жалость, он сказал: “Что плачешь, малыш?” — что-то такое, и это было 10 секунд, мне этого хватило, чтобы встать, как он хотел, чтобы он перестал меня бить, избивать».

«Он перед тем, как просить лекарство, сказал, что он задыхается, можно ли ему встать, ему человек разрешил встать, а я-то это слышал, и я понимал, что я тоже за гранью нахожусь по ощущениям, сказал: “Можно и мне встать?” Мне разрешили, и всем разрешили. Я встал, помню, очень мне было плохо, то есть одновременно и голова кружилась, и тошнило, я еле стоял. Слава богу, минут через пятнадцать... [разрешили сесть как угодно]».

«Минут через 15 привезли еще одну партию задержанных. Нас брали по одному, ставили на колени, руки были связаны пластиковыми стяжками, и были дубинкой в районе ягодиц, бедер, и спрашивали личные данные: ФИО, дату рождения,

адрес. Если говоришь тихо, начинали быть сильнее. Тем, у кого был сорван голос на митингах, было очень тяжело. Было очень странно, т. к. все то же у нас спрашивали в автобусе, — потом, когда привели в зал, и через 15 минут, когда нас поставили на колени — они опять спрашивали то же самое и при этом били. Девушки рядом стояли с нами».

Позднее, около 22–23 часов, отдельных задержанных небольшими группами начали выводить в другие подвальные помещения РУВД, где оформляли протоколы обыска и иные документы. Эти комнаты были меньше по размеру, со стоящими вдоль стен металлическими стульями для допросов и оформления.

«Потом нас начали звать через какое-то время оформляться в комнату, там были сиденья, такие железные стульчики. Нас там сначала обыскивали: все, что было, записывали, что нашли, — шнурки там, надо было достать, ремень, все стандартные процедуры».

Условия содержания задержанных в подвальном помещении оставались такими же, как и предыдущей ночью: группы выводили в туалет, на всех предоставляли лишь одну бутылку воды. Сотрудники замечали плохое физическое состояние задержанных и их телесные повреждения, однако вместо адекватной человеческой реакции они позволяли себе шутки и откровенные издевательства. Задержанных продолжали удерживать задержанных в неудобных позах, усугубляя им страдания.

«У них там в Партизанском, как я понимаю, тренировочные такие подвалы они делают — на будущее, наверное. На тот момент они были неукомплектованы, то есть голые стены, трубы — просто подвал. Там уже было около 30 человек, и плюс наши. В итоге там, по-моему, 72 человека было. Были несовершеннолетние ребята, их чуть позже ночью позабирали».

«Там был человек, который очень стонал сильно, сказал, что по нему прыгали в автобусе, наверное, ребра переломали, жаловался на боль и постоянно громко стонал. У него спросил этот шутливый человек [сотрудник РУВД]: “Кто там, блохи прыгали по тебе?”».

После полуночи сотрудники РУВД разрешили задержанным занимать любые позы. При этом строгость контроля над позами задержанных

зависела от того, какой сотрудник непосредственно осуществлял охрану задержанных.

«Там мы какое-то время стояли, потом нам через некоторое время начали разрешать как-то лечь, как-то сесть, потом сказали: “Как вам удобно, так и садитесь”. Это был бетонный пол, и на нем надо было провести ночь».

Бетонный тир, где содержались задержанные, не был приспособлен для содержания людей. Там отсутствовали места для сна и сидения, а также доступ к воде и туалету. Задержанные отмечали, что в помещении оставались следы избиений.

«На стенах была кровь, кровь от лбов, когда лбом упирались в стену ребята».

«Нас опять в тот подвальчик привезли, я еще стоял рядышком с лужей крови, лужа крови и ватка. Может, кому нос разбили, приличная такая лужа была».

Позже задержанным, находящимся в одном из подвальных помещений, позволили присесть на стулья.

«Все были нормально покореженные: у кого-то были лица разбиты, у кого-то носы сломаны, рассеченные головы были. Одному парню — вот которого велосипедиста на площади Победы они забирали — они по приколу ему проломили дубиной шлем велосипедный».

12 августа 2020 года

00:00 • 04:00

К РУВД подъезжали все новые автозаки и привозили очередную партию задержанных. Ночью прибыло две партии задержанных в городе — 40 и 70 человек. Людей грубо выкидывали из машин. Это происходило очень быстро. Кто-то, не успев среагировать, падал прямо на землю. В темноте слышались громкие крики «Лицом в пол! Лицом в землю!», некоторым задержанным наносились удары дубинкой по спине и ногам. Людей ставили на колени и заставляли находиться в такой позе.

«... когда меня выгрузили, я упал. Меня просто кинули, и приземлиться на ноги я то ли не смог, то ли у меня ноги очень-очень сильно онемели, что я даже их не чувствовал. И я пытаюсь сказать, что ноги онемели, а меня просто берут за шиворот и просто кидают в землю. Я немного даже попал не в землю, а прямо в бордюр головой и разбил себе голову».

Прибывших встречал коридор, выстроенный бойцами в масках по десять человек с каждой стороны. Людей подгоняли дубинками, и сначала завели в подвал, а затем в актовый зал, заставив стоять лицом в стену.

«Было нас там около 70 (семидесяти) человек, именно в том помещении, в котором мы находились. Из них где-то было около 20 (двадцати), по-моему, могу ошибаться, 20 девушек где-то было. Описали все, составили протокол имеющихся вещей».

Задержанных (около 40 человек) отвели в подвал, положили на пол вдоль стены лицом вниз. Они оставались в этом положении до прихода сотрудников, которые снимали отпечатки пальцев и фиксировали персональные данные, уточняли место и причины задержания и фотографировали с трех сторон. Позвонить и сообщить родным о себе никому не позволяли. Затем «силовики» составили протокол изъятия вещей, при этом никакие документы на руки не выдавались.

«Тех, кто был связан, начали бить. Мол, те как-то сопротивлялись, что-то такое. Мне там пару ударов, по-моему, по ногам прилетело. Кто бил, мы не видели. Но потом по разговорам самих милиционеров, стало понятно, что это те, которые нас принимали, по сути, — те и били. А связанных — тех, у кого руки связаны, их как бы нужно было бить сильнее».

«... когда нас привозили и отправляли первый раз в подвал, там пятерых ребят отработали конкретно, то есть они где-то отличились, и их дубинками, как могли, избивали».

В подвале в эту ночь находились 8-10 девушек. К ним силовики проявили немного снисхождения — принесли стулья, разрешив сесть. Среди задержанных было много случайных прохожих: тех, кто ехал мимо на велосипеде или просто жил в центре, но случайно оказался задержан в ходе зачистки.

«Девочек много было. Рядом со мной девочка сидела: ну, она реально, блин, она была то ли на пробежке, то ли что, потому что она в спортивном была всем. Она стопудово не гуляла и на митинг не шла в такой одежде. Она где-то была на пробежке, ее задержали, она говорит: «Позвоните моему мужу». Она там рыдала сидела, на что никто никаких звонков не давал совершить. Кое-как кому-то... парень там уболтал как-то, я не знаю, но его по итогу освободили после того, как позвонил его тесть».

«Девочки на стульях сидели. Одна девочка разрыдалась реально. Говорят: «Чего ты плачешь?» Говорю: «Наверное, ей холодно». Она в одной маечке сидела. Тогда ей принесли куртку как-то».

Задержанные отмечают, что отдельные сотрудники РУВД вели себя адекватнее сотрудников в масках — в избиениях участия не принимали, давали задержанным воду и водили в туалет по требованию.

«Усадили нас на пол на колени головой вниз, чтобы никого и ничего не видели. Потом, когда уже ОМОН или конвоиры, которые нас привозили, уехали, то ребята, непосредственно работники РУВД, разрешали встать, чтобы не так затекали ноги».

Ночевали избитые и измученные люди в этом же подвале на полу.

«После того, как нас избили и оформили местные менты, с наших рук сняли пластиковые стяжки. Всю ночь мы были без стяжек».

Постепенно люди разговорились между собой, кому-то удалось вздремнуть пару часов на холодном бетонном полу.

«В семь часов нас уже подняли, вывели в туалет, на улице какой-то был. Потом нас подняли и начали дожидаться, пока приедет начальство. Оно пришло около 8, может, попозже, уже было довольно-таки под утро».

Задержанные рассказывают о сильном психологическом давлении на них в эти часы: силовики манипулировали состоянием задержанных, заставляя их полностью подчиниться всем приказам. Люди испытывали страх и неопределенность.

«Запугивали, что все, вам капец, минимум на 40 (сорок) суток сядете, там всякое такое, ну **страшное эмоциональное давление**. На просьбы какие-то “дайте позвонить!” в РУВД нам говорили, что «позвоните с Окрестина»».

«Нас перевели в другое помещение. Там уже было много студентов, как-то всех рассадили, по очереди вызывали, составляли протокол, опись вещей, имеющихся при себе. После этого на камеру нужно было [сказать] стандартный набор, наверное, представиться, дата рождения, где проживаешь, кем работаешь. Потом откатали отпечатки пальцев, и все. И обратно лицом к стеночке, и так мы стояли».

04:00 • 08:00

По воспоминаниям задержанных, большую часть времени их держали с руками за спиной, лицом к стене, не давая возможности даже оглядеться. Их постоянно переключали приказами — заставляли то лечь, то подняться, поддерживая постоянное напряжение.

«Да, это было так сразу, потом нам сказали всем встать, и все встали. Постояли не знаю сколько, минут там двадцать... Потом — всем лечь, все легли».

Позднее, с приходом новой смены сотрудников, отношение к задержанным стало заметно мягче.

«В общем, потом зашел сотрудник, говорит: “Мне похуй, как вы тут будете лежать, сидеть, стоять, пердеть — мне все равно. Можете, как угодно, как вам удобно занять положение, но лицом к стене”. Но, я скажу, что не сразу люди в это поверили, то есть все равно люди еще оставались в тех положениях, в которых находились, и старались сами его не менять, потому что до этого, если ты делал что-то не то... Какая-то самодеятельность была с твоей стороны, то ты получал либо рукой, либо дубинкой, и еще как то. То есть постоянно слышишь, как кого-то там ударили, и еще что-то такое».

В то время, как одну группу задержанных держали стоящими вдоль стены, в подвале людям удалось немного поспать. За задержанными в это время наблюдали два сотрудника РУВД, которые сняли мужчинам

пластиковые стяжки с рук и разрешили не просто лежать на полу, но и сидеть или стоять. Единственным требованием было — обязательно быть лицом к стене.

«Этот парень, который в маске с черепом был, выключил свет даже и с нами спал. Обнял дубинку свою и спал на стуле, потому что говорит: “Мы сами уставшие”. … этот как-то очень спокойный, он ни с кем не разговаривал, если только кому воды, кого-то может в туалет вывести, как-то даже не ожидали, что такое резкое… все поменяется. Тут думали, что сейчас будем, как говорится, отлиздюливаться, но получилось так, что как-то более-менее».

«Нам даже дали поспать, выключил свет этот мужик, и я даже слышал, что был у него разговор с начальником… Начальник зашел, сказал: “Что ты этих скотов здесь положил, всех поднять”. В общем, хотел там с нами что-то сделать… А он его послал на хрен и сказал: “Я здесь сторожу, делаю так, как хочу, а ты вали отсюда”, что-то в таком роде».

08:00 • 12:00

Утром, около 7:00, после некоторого послабления ночью задержанных снова подняли: силовики теперь уже заявляли, что по инструкции они должны все время стоять. Задержанных начали психологически обрабатывать, чтобы сломить их волю и показать свое превосходство. Поочереди к ним подходили различные сотрудники и рассказывали новости «несостоявшейся революции».

«Психологически нас уже начали убивать и добивать. Утром они приходили по очереди и начинали зачитывать якобы новости, что Светлана Тихановская все, в Беларусь все заканчивается, все спокойно, мирно. И начинают этим давить. Мы-то не знаем ничего, у нас информации никакой не поступает. Что там на заводе пришло десять человек, на МЗКТ десять человек покричало, пришел инженер, говорит: “Мужики, не занимайтесь херней”, — и все пошли обратно работать. Вот такие новости нам поступали».

«Ходил там завхоз такой… всех заходил просто обзывал: “Вы бляди”. Матерей наших обзывал за то, что нас, таких блядей, родила, и так далее. Ну у кого… никто никого не спрашивал,

как туда попал. Все попали с митинга туда. “Вы попали с митинга”. Какого митинга, какой митинг 11-го числа был, никто даже не знал...».

После 8.00 часов пришел силовик, предположительно начальник РУВД, после чего была освобождена небольшая группа задержанных (около 14 человек) из актового зала. Из РУВД отпустили мужчин, у которых ранее не было приводов в милицию или административных нарушений, а также девушек и пожилых людей. Однако многие, кто числился в списке на освобождение, все же остались в РУВД, так как сотрудники боялись, что израненных людей увидят в таком состоянии на воле.

«Я попал в этот список, но он увидел, что у меня лицо разбито и я весь в крови, и решил, что негоже такого выпускать на улицу сейчас».

«Отпустили, я знаю, девушек. Отпустили стариков. Там один дед, когда мы говорили про сутки, он сказал: “Нет, я не могу, мне надо завтра с внучкой сидеть”, и его отпустили».

«До 9 мы еще стояли, когда начальство приехало, нам уже не разрешалось даже опираться о стенку, а людям там было реально тяжело стоять. Они просили: “Можно я обопрусь?”, “Можно посидеть немножко?” Потому что у всех были различные проблемы со здоровьем. Где-то в 9 часов я написал заявление, что не имею претензий по поводу вещей. Мне дали пакетик с вещами».

Те, кто не попал в группу освобожденных, понимали, что они не имеют шансов попасть домой в скором времени.

«Мы уже не надеялись попасть, поскольку мы уже понимали, что, если нас туда не забрали, быстро все не будет. Поскольку такая жесть была, что половина, да даже процентов 80 были все [люди] синие: у кого-то лицо отбито, у кого-то — руки, у кого-то — ноги».

Людей поделили на группы по 25 человек для размещения в автозаках. Выводили из РУВД их сотрудники в масках.

«В 11 утра, когда приехали автозаки, нас всех опять поставили к стене руки за спину, надели стяжки на руки, и начали загружать в автозаки. Когда нас грузили в автозаки, нас

никто не был. Сколько было автозаков не знаю, но пригнали столько, чтоб за один раз вывезти всех задержанных. Это были серые автозаки, с клетками, решетками, для преступников. В автозаке было 4 клетки, рассчитанных на 2 человека, и одна большая, человек на 5. В клетки запихивали людей плотно. Я был в клетке на 2 человека, но нас там было трое. В этой клетке двоим тесно, а втроем мы сесть уже не смогли. Когда мы ехали, машину тряслось, и мы пытались опираться друг на друга, чтобы не упасть, т. к. наши руки были связаны за спиной. Из-за большого количества людей в автозаке было душно, нечем было дышать».

Задержанных, которые провели ночь в подвале, вывели на улицу около 10 часов утра. На улице было прохладно, люди стояли в одну линию около часа в легкой летней одежде (шорты, майки). Всем им надели на руки стяжки еще в подвале.

«Стояли мы очень долго: учитывая, что всю ночь не спал, спишь — и видишь картинки прямо на ходу, спишь стоя. Воображение начинает играть, кимаришь от усталости. И тут какой-то сотрудник милиции решил показать, что он тут самый главный, какой-то хер просто. Начал спрашивать у всех, кто есть кто. Но перед этим каждого по очереди — дубинкой по хребту».

Перед посадкой в автозаки задержанных заставляли назвать свои данные: фамилию, имя, отчество и дату рождения. Эта процедура нередко сопровождалась насилием, своего рода «помечанием» задержанных. Людей выстраивали лицом к земле, и во время переклички отдельные сотрудники били людей дубинками по позвоночнику, требуя отвечать быстро. Удары были сильными, один из задержанных при этом дважды терял сознание, не успев произнести свои данные. По описаниям, особой жестокостью выделялся высокий полный мужчина 40–45 лет в милиционской форме одежды.

«Нас вывели на улицу, мы стояли на улице, наверное, около часа. Мы просто стояли на улице лицом в пол... Они начали бить по хребту. Палкой били прямо по позвоночнику — палка параллельно позвоночнику, и доставали так, чтобы, где затылок, там заканчивалась дубинка. И ты должен был за это время назвать имя, фамилию и отчество, то есть тебя бьют, а ты быстро называешь. Удар очень сильный был. Один парень потерял сознание два раза. Не успевал сказать имя,

фамилию и отчество. Они его бьют, он падает на колени, его опять поднимают, он немножечко в себя приходит, его опять спрашивают».

«В общем, мы там часостояли. Нам там они лекцию провели: как надо жить, какие мы все ничтожные, и так далее. Там он кричал, вот этот вот начальник видимо их: «Где ваша смелость? Жыве Беларусь! Орите «Жыве Беларусь!». Подошел ударил кого-то, кто там опять же смотрел не так. Людей побили, нормально побили — кому-то досталось, кому-то нет. И у всех нас потом такая бляшка осталась на шее».

После этого люди продолжали стоять на коленях со связанными за спиной руками. Пластиковые стяжки, которыми силовики фиксировали руки, были перетянуты настолько туго, что замки впивались в кожу и вызывали сильное онемение. Люди жаловались на боль и онемение пальцев, у многих запястья посинели. Руки отекали, а пластик оставлял следы на коже.

«Значит, нас побили, и потом мы еще час стояли на коленях со стяжками с этими. Руки очень затекали, и замки впивались прямо в кожу. Стяжка эта пластиковая, и у нее замочек. Их настолько перетянули, что следы остались до сих пор. Синяки уже сходят, а эти следы остаются».

Людиостояли таким образом на улице довольно долго, но машина так и не приехала. После избиений и длительного стояния на улице всех задержанных вновь отвели обратно в здание РУВД. Там их заставили стоять лицом к стене, и на некоторое время пластиковые стяжки были сняты.

«Потом нас опять почему-то завели в это помещение, туда вниз, и эти стяжки обрезали. Мы тамостояли еще около часа. Просто так стояли лицом к стене, и там нас никто не бил».

После перерыва в подвале людей снова вывели на улицу, продолжились связывания рук хомутами и посадка в автозаки. Задержанных заставляли проходить через «коридор» из силовиков, стоявших с дубинками. Удары наносились по спине, голове, ногам и рукам. Людей загоняли внутрь автозаков, где их размещали вплотную, по тридцать и более человек. Постепенно эту группу задержанных увезли в ИВС.

«Когда ты идешь в автозак, когда ты выходишь из автозака... ты идешь через коридор из сотрудников, которые стоят

с дубинками и бьют тебя дубинками — куда попадут: по ногам, по попе, по спине, по рукам, по голове. Меня по голове били раза, наверное, четыре... Нужно было сосредоточиться на том, чтобы не упасть и добежать быстрее».

«С первого захода нас не увезли почему-то: то ли там отбой был, то ли что-то — автозак уехал. Второй раз уже где-то в час дня нас вывели опять во двор, постягивали руки белыми стяжками, причем большинству затянули так, что руки синели, и уже в час дня, где-то в час десять нас загрузили в автозак и повезли на Окрестина».

12:00 • 16:00

Те, кто оставался в подвале РУВД, ожидали своей участи. Задержанных постоянно то заставляли ложиться на бетонный пол, то стоять на колени, то резко встать. То же самое заставляли делать и девушек, всех без исключения.

«С одной стороны, может это и лучше — немножко снять с себя нагрузку, когда ты стоишь там десять часов. Ну где-то, может, это и во благо как бы, но на бетонном полу лежать ни фига не прикольно, как бы опять же заболеть можно. И лежали на полу бетонном, на коленях стояли, и вот так вот они играли с нами: “лечь!, на колени!, встать!”».

Неизвестность и неопределенность изнуряли людей больше всего. Эта группа задержанных находилась в РУВД приблизительно до трех часов дня 12 августа.

Около полудня в РУВД появились люди в гражданской одежде, среди сотрудников началось движение.

«Они сказали, что «некоторым из вас повезет — у кого нет совсем никаких административных правонарушений, вы пойдете домой сегодня. Тем, кому повезет меньше, поедут на Окрестино, кому совсем не повезет — поедут в Жодино».

В результате практически всех девушек отпустили, при этом в РУВД осталось еще две или три девушки, которые очень переживали, что их не отпускают.

«Они переживали и говорили, что “ну, отпустите и нас!”, “но у меня же ничего нет”. Никто им ничего не объяснял, не рассказывал: “Все — заткнулись и сидим!”».

В три-четыре часа дня задержанные прошли очередной «коридор» с дубинками — дорогу в автозак, и их увезли из РУВД.

20:00 • 24:00

Задержания в городе не прекращались, и в РУВД привозили все новые группы людей. Людей принимали по отработанной процедуре: били при выходе из автозака, заставляли лежать лицом в асфальт, забирали все вещи, оформляли документы.

«На Партизанском РУВД я вышел из автозака, меня два раза ударили с ноги. Один раз ударили меня — я упал, второй раз ударили — я тоже упал. Потом сказали: “Все, не бейте, а то головой ударится об асфальт”. Я поднялся, нам сказали бежать лицом в землю, упал сначала на траву, потом кричат: “Ложитесь на асфальт”, и все — лег на асфальт. Дальше в самом РУВД уже никто не бил».

Людей завели в подвальное помещение, где они немногоостояли на коленях, потом сказали — «Можете встать свободно» — и дали воды.

«Потом привели наверх в актовый зал. Там сняли отпечатки пальцев, на камеру что-то снимали, какие-то видео о том, где работаешь, сколько лет, где учишься. Дальше нас завели в камеру, и мы там сидели до утра, ждали, что будет дальше».

В подвале РУВД в это время находилось восемь человек. Людям приходилось спать на полу.

«Но сотрудники РУВД, которые там были, видимо, дежурные, они как-то там нормально относились к нам, более-менее. Они нам воды разрешали выходить набрать, в туалет. Дверь открывали, потому что в камере было душно. Свет ночью горел. Мест спальных не было, просто лавочки небольшие».

По рассказам еще одного из задержанных, с 22:00 вечера при приемке задержанных происходили их непрерывные избиения. Сотрудницы РУВД в это время оформляли задержанных, делали описи их вещей, а силовики

в масках и шлемах, не стесняясь никого, издевались над людьми. Тех, кто не мог ходить из-за побоев при задержании, попросту волокли по ступенькам, коридорам, доставляя тем самым дополнительные страдания и нанося травмы.

«Они тягали меня — я уже даже ноги не мог передвигать, они меня просто как волокуши тягали. У меня даже ноги не двигались, тягали просто по ступенькам, по всяkim коридорам. Притянули, там уже много людей было, приемная такая. Все люди сдавали, что было в наличии: деньги, телефоны. Там тоже людей избивали в приемной. Женщины сидели, опись делали, они прям при этих женщинах, не стесняясь, лупили всех, как хотели. Если кто-то вопрос какой задавал лишний — тут же сразу получал. На камеру тоже снимали. Били тоже... Поджопники, подзатыльники ты уже не считаешь...»

Задержанным сложно было определить принадлежность силовиков к определенной структуре, так как они постоянно менялись. Доставляли их люди в одной форме и экипировке, в РУВД избивали уже совсем другие силовики. Задержанные отмечают, что сами сотрудники РУВД в избиениях не принимали участия, — они занимались только их оформлением и охраной.

После оформления людей отвели в подвальное помещение, в котором избиения продолжились. Там людей избивали до часу ночи следующего дня.

«... И все, кто приходил, всем на пол лежать. Животом на бетон и лицом в пол, не смотреть ни влево, ни вправо. Если кто-то поднимал голову, сразу получал. Ну и там началось. Били лежачих, — как хотели, так и били. По нам бегали, просто били. Кто-то если разговаривал, били вдвойне».

Примерно в 23:45 часов в РУВД привезли еще одну группу задержанных.

«Нас положили во дворе Партизанского РУВД. Всех вывели из автозака и бегом ложиться на землю на улице. И там двое сотрудников подходили к нам лежачим и записывали имя и фамилию. Один из сотрудников делал это жестко: подходил и бил сильно, люди кричали. А другой подходил и тыкал ду-

бинкой в спину. После этого тебя берет сотрудник “ласточки” и ведет в РУВД».

Задержанный вспоминает, что всех вели в подвал, ставили на колени, лицом в пол, после чего по одному вызывали для описи вещей и записывали на камеру информацию о задержании. При описании вещей, если у кого-то находили какие-либо подозрительные предметы (перочинные или канцелярские ножи, белые браслеты), его уводили в подвал, где находились остальные задержанные, отводили в угол и жестоко избивали.

«Меня тоже отвели, раза три дубинкой ударил ОМОНовец. По голосу я не слышал, что это были из РУВД. Скорее это были те, которые нас перевозили. Потом, когда у всех осмотрели вещи, записали, всех вернули в подвал и уже проводили воспитательную работу сотрудник ОМОН. Пока мы на коленях сидели, нам по ягодицам прошлись дубинками».

Один из силовиков наиболее рьяно издевался над задержанными.

«У одного была маска с зубами с улыбкой. Он, кстати, вел себя само неадекватно, если можно так сказать. Еще был у нас там задержанный, который был в берцах, у которого ножик канцелярский маленький какой-то нашли. В итоге мы часа 3-4 были в подвале, если по нам все пройдутся по разу, по два ударят несколько раз, то его избивали, пока силы не кончатся у человека. Он его бил и бил дубинкой. ...Он еще по спинам пробегал. Нам потом разрешили лечь, руки за спину. Он бегал по спинам. Тому парню, который в берцах был, которого с ножиком задержали, ему досталось больше всех, раз в 10».

Зафиксирован случай, когда сотрудники в масках посадили задержанных на пол и заставили петь гимн Республики Беларусь.

«Перед камерами нас посадили на эту плитку, мы раза 2 гимн спели. В это время были только угрозы, пойте или будем бить. Пели все, кто знал, кто не знал, подпевал».

Мужчин заводили в камеры по семь человек. В камерах насилия не было, при этом задержанным давали воду и водили в туалет. Там они провели всю ночь до обеда 13 августа.

13 августа 2020 года

00:00 • 04:00

Доставленных в ту ночь задержанных выгрузили во дворе РУВД и уложили лицом вниз на землю. В этом положении у них требовали назвать личные данные: имя, дату рождения, место работы и адрес проживания. Любая заминка или неуверенный ответ сопровождались ударами: тех, кто говорил слишком медленно или невнятно, силовики избивали дубинками.

«...когда лежали лицом в землю, сотрудники ... то есть, лежишь... я вышел последний, меня выгрузили. Мне успели прямо в голову кинуть камень...»

Сотрудники РУВД спустили задержанных в подвал и выстроили их вдоль стены. Тем, кто еще держался на ногах, приказывали стоять, тех, кто не мог — разрешали сесть. Всем строго запрещалось поднимать голову: нужно было смотреть в пол. Задержанных по одному вызывали в актовый зал, где четыре сотрудницы РУВД проводили опись личных вещей. После этого каждого по отдельности выводили в коридор, где фиксировали их персональные данные на видеокамеру.

«Все забрали: шнурки, все, что было в карманах... Вывели в коридор, выводили по одному, записывали на камеру: кто мы, где задержаны...».

Часть оформленных задержанных отвели в подвал-тир, где к тому времени их было восемь человек. По их сообщениям, насилия к ним тогда не применялось, людям давали воду, водили в туалет по потребностям.

«Потом всех парней отвели в камеры. И там уже сотрудники именно РУВД... Они по-человечески относились, неожиданно... Говорили: “Если надо воды, в туалет — стучите”. Когда кто-то выходил, специально держали дверь открытой, чтобы сильнее проветривалось. Когда кто-то шел, не надо было лицом в стену, руки за собой. Просто спокойно пройти, главное, чтобы оставались двери открыты и тебя видели».

Примерно в час ночи задержанных вывели из подвала и выстроили в ряд. Через некоторое время в появились представители руководства силовиков. У свидетелей создалось впечатление, что они прибыли осмотреть задержанных и, возможно, искали среди них кого-то конкретного. После

этого людей снова отвели в подвал и положили лицом в бетонный пол. В это время там было около 15–20 человек.

Сотрудники в масках постоянно менялись, и каждый вновь прибывший избивал людей.

«Двое сидели на лавочке постоянно. Они даже, кажется, без амуниции были, просто рядовые милиционеры сидели так тихонечко. А эти, которые в масках, в шлемах, в амуниции — они сменялись. И издавались. Били по всем частям тела, особенно не церемонились».

*«...когда мы лежали в этом подвале, там, конечно, били людей конкретно. Я когда пришел, я не мог себе места найти, потому что **все в крови было залито**».*

Лежащих беззащитных людей били руками, ногами, дубинками более трех часов. У некоторых задержанных на руках все еще оставались стяжки, которые им не снимали вплоть до перевозки в ИВС.

«Ногами, руками... Видимо, и дубинками кому-то перепадало. Мне доставалось, как правило, либо ногами, либо руками. На полу лежишь лицом [вниз], на животе. Голову нельзя было ворочать ни влево, ни вправо. Если повернул голову, тебе могли подойти и просто в лицо ногой ударить. Руку если убрал со спины, могли наступить на ногу берцами. И так это все продолжалось часа 3 ... Ну и после второго раза, когда нас в подвал завели, нас еще где-то час держали. Потом нам уже разрешили на колени встать, на коленях посидеть».

Среди задержанных было несколько девушек. Один из свидетелей отмечает, что насилие к девушкам не применяли. Около трех часов ночи некоторых из них отпустили из РУВД.

«А еще, наверное, я уверен, что нам так повезло, потому что мы попали в этот наряд, наверное. Вот опять же, нам помогали в РУВД, и были девушки еще с нами, опять же, ОМОН их не трогал, то есть их... может, или не знаю... им руки не связывали, их не били. Один говорил там девушке: “Тихо, спокойно. Будешь молчать, не задавать вопросов — твоим друзьям будет лучше”. Из РУВД их часа в 3 ночи вообще отпустили, и сотрудник отвез даже на Тракторный завод до метро и сказал: “Дальше уже сами”».

08:00 • 12:00

Мужчин, которых выводили в биотуалет, также избивали на улице.

«Когда выводили в туалет, некоторых били. Называли фамилии. Фамилию говорили и начинали бить. Может, другая смена была какая-то. У них, видимо, была директива кого-то бить. Некоторых выборочно били. И когда в туалете стояли, я подслушал разговор двух в масках. Он спрашивает: “А кто вчера этих привез? ОМОН или Росармия?” Он говорит: “Росармия”. Как бы ни Росгвардия, ни русские — Росармия. Там особо не били. Выборочно. А если и били, то не особо. Поджопники всякие, подзатыльники — это я считаю, не били».

Утром примерно в 9:00 задержанных начали готовить к перевозке в изолятор на улице Окrestina. Людей выстроили во дворе, и сотрудники в масках начали грубо загонять их в автозаки. Задержанных заставляли бежать, держа руки за спиной, и во время этого процесса многие получали удары дубинками от стоявших вдоль пути силовиков.

«Рассадили нас по автозаку. Вот еще очень долго ждали, там всем душно, все, скажем так, мужчины напарившиеся, а там светит солнце на автозак... и воздуха нет, вентиляция не работает. За всю поездку из РУВД до Окрестина включили [вентиляцию] только дважды».

«Потом где-то часов в 12 дня нас вывели всех, пофамильно всех пересчитали. Тоже опять выборочно били, запаковали в автозак до такой степени, что просто мы в этом автозаке ехали как селедки в банке».

12:00 • 16:00

До 14 часов из Партизанского РУВД увезли последних задержанных. Всех их перевезли в различные ИВС (например, на улице Окрестина в Минске, а также изоляторы, находящиеся в Слуцке и Жодино).

«Где-то в час потом нас перевезли. В сером автозаке нас перевозили, было жарко 13 числа очень».

ПОСЛЕДСТВИЯ: ТРАВМЫ И ПОВРЕЖДЕНИЯ У ЗАДЕРЖАННЫХ

«Люди лежали на полу в собственных испражнениях, вперемешку с окровавленной одеждой».

Из показаний потерпевшего

В период с 8 по 13 августа 2020 года в Партизанском РУВД Минска десятки задержанных участников мирных акций протеста избивали дубинками и ногами, часами держали связанными и отказывали в медицинской помощи. Многие получили серьезные физические травмы: от переломов и выбитых зубов — до черепно-мозговых травм. Ниже подробно рассмотрены последствия этих пыток, подтвержденные свидетельскими показаниями.

Физические травмы у задержанных

Многие из задокументированных пострадавших подвергались избиениям во время задержания и в период содержания в Партизанском РУВД. Основные удары наносились резиновыми дубинками, а также кулаками и ногами. Это привело к множественным телесным повреждениям разной степени тяжести. По свидетельствам очевидцев, как минимум 10 из примерно 57 задержанных были избиты «очень сильно» — до состояния, когда они лежали, истекающие кровью, и едва могли двигаться; в то время, как у остальных были более «легкие» побои (ушибы головы, спины и др.).

«Травма, со слов пациента, получена 11.08.20 г. около 12:00 в автомобиле на территории Партизанского РУВД. Травмы получены в результате избиения неизвестными лицами в черной спецформе и масках. Травма нанесена резиновыми дубинками. Сознание не терял. Был судорожный синдром в автомобиле во время травмы. Жалобы на боли в шее, боли в грудной клетке справа, боли в левой ноге. В сознании, ориентирован, общее состояние удовлетворительное». (Выписка из медицинских документов пострадавшего)

«Человек 10 действительно очень избитых, другие... получили по лбу, по спине, но в целом более-менее».

Многие избитые просто падали без сил.

«Парень в длинной голубой рубашке... был весь в крови... лег спать прямо на пол, и его уже не трогали — он был избит до такого состояния, что с ним уже ничего нельзя было сделать».

Характер травм пострадавших показывает, насколько жестоким было обращение. Ниже перечислены наиболее распространенные виды полученных повреждений — с примерами из рассказов потерпевших:

Обширные гематомы и ушибы мягких тканей. У большинства избитых зафиксированы множественные гематомы по всему телу. Медицинское освидетельствование одного из потерпевших подробно описывает полосовидные гематомы на шее (6×4 см), огромные кровоподтеки на пояснице (до 12 см в диаметре), синяки на плечах, предплечьях, бедрах, голенях и ягодицах — фактически, гематомы покрывали значительную часть тела.

В заключении медиков перечислены «ушибов шейного отдела позвоночника, ушибов и гематом поясничной области, ягодичной области, правого и левого бедра, левой голени, правого плеча и предплечья».

Другой пострадавший по результатам обследования получил схожий список травм: «ушибов мягких тканей головы, грудной области, множественные подкожные гематомы лопаточных областей, ягодиц, бедер, голеней». Эти документально подтвержденные ушибы свидетельствуют о систематическом избиении дубинками по всему телу.

Переломы и повреждения костей. Некоторые пострадавшие от действий силовиков получили более серьезные травмы опорно-двигательного

аппарата. В частности, зафиксированы случаи сломанных ребер и повреждений позвоночника.

Один пострадавший рассказал, что, по его ощущениям, ему сломали ребро во время избиения в автозаке. В дальнейшем острая боль не позволяла шевелиться или спать иначе, кроме как на здоровом боку.

Мужчина обратился к приехавшим ночью врачам со словами «наверное, ребро сломано, потому что не могу ни шевельнуться», однако медицинской помощи так и не последовало — медики посоветовали терпеть и после выхода сделать снимки.

Еще у одного потерпевшего впоследствии обнаружили подвывих шейного позвонка из-за удара дубинкой:

«Оказалось, что из-за удара дубинкой был подвывих шейного позвонка».

Черепно-мозговые травмы и раны головы. Также свидетели рассказывали о травмах головы различной тяжести. Были зафиксированы случаи сотрясения мозга и других ЧМТ (черепно-мозговая травма), а также рассечений, которые требовали наложения швов.

Один из пострадавших рассказал, как его долго удерживали в подвале РУВД головой вниз, в результате чего он стукнулся лбом об стену и потерял сознание:

«Минуты 2–3 постоял, потом упал в обморок... сполз по стене».

Многие отмечали головокружение, тошноту и дезориентацию после ударов по голове. Таким образом, удары дубинками и броски на пол приводили к серьезным травмам головы.

Повреждения лица, зубов и челюстно-лицевые травмы. Силовики наносили удары и по лицам задержанных. Авторы расследования располагают несколькими свидетельствами пострадавших о том, что некоторым задержанным выбили зубы и сломали носы.

Со слов свидетелей, один мужчина, случайно оказавшийся на улице, был так избит дубинкой, что в результате у него были выбиты зубы и, по всей видимости, отбиты почки — он с трудом дышал. В итоге его забрала скоприя, когда он начал терять сознание.

Еще одному мужчине выбили челюсть при задержании. По рассказам очевидцев, силовики проявляли особую жестокость к физически крепким либо тучным мужчинам:

«Полный парень... ему выбили челюсть, пробили по почкам...».

Также сообщается о переломе носа у одного из задержанных:

«У одного был нос сломанный, у него текла кровь из носа все время».

Внутренние повреждения органов. У многих задержанных удары в область туловища привели к травмам внутренних органов. Пострадавшие отмечали сильные боли в груди и животе. Также в показаниях свидетелей часто упоминаются травмы почек и органов брюшной полости.

Так, например, несколько человек отмечали невозможность нормально мочиться, а также кровь в моче после избиений. Медики констатируют, что все это — признак повреждения почек.

Одного мужчину так сильно избили в области почек, что это вызвало длительные проблемы со здоровьем, в том числе сильные боли, слабость в ногах, которая не позволяла нормально передвигаться.

У другого задержанного, которого избили до непроизвольного мочеиспускания, вероятно, случился разрыв (ушиб) внутренних органов, что в результате и вызвало неконтролируемое опорожнение кишечника и мочевого пузыря во время избиения. Такие травмы внутренних органов крайне опасны, но в условиях РУВД даже они остались без немедленной медицинской помощи. Медиков к пострадавшим не вызывали.

Повреждения рук и поражение нервных окончаний от стяжек. Помимо ударов, крайне болезненные ощущения задержанным причиняли и тугозатянутые пластиковые стяжки на запястьях. У многих из-за пережатия отекали и немели руки.

«Когда нас везли в ИВС на Окrestина, мне так сильно затянули [стяжки], что за поездку у меня посинели руки, а кожа потеряла чувствительность».

«Прошло более 4 месяцев, но к коже чувствительность не вернулась».

У другого задержанного, прикрывавшегося руками от ударов, сильно опухла левая кисть: «она была очень опухшая и болела».

Таким образом, жесткое сдавливание и удары по конечностям приводили к повреждению нервов и длительной потере чувствительности в руках пострадавших.

Потеря сознания. Помимо перечисленных травм, очевидцы рассказывают и о множестве случаев, когда люди теряли сознание.

«Люди лежали в подвале на полу в лужах крови и мочи. Некоторые от ударов буквально выпадали в нокаут».

«Он стоял, у него щека разбита, кровь со слюной пенится... Он уже не в адеквате был».

Одному упавшему мужчине сотрудник милиции наступил ногой на шею, отчего тот потерял сознание.

«Пришел в себя от того, что кто-то из них меня поливал водой».

Обострение хронических заболеваний

Особо опасной была ситуация для задержанных с хроническими заболеваниями. За время пребывания в Партизанском РУВД у нескольких человек случились приступы болезней из-за отсутствия необходимых медикаментов и жестоких условий содержания, что ставило их жизнь под угрозу.

Приступы бронхиальной астмы. В душном переполненном автозаке одному мужчине-астматику стало плохо — началась одышка, удушье. Он попросил разрешения воспользоваться лекарством, однако конвоиры ему отказали, заявив: «Откуда я знаю, что у тебя за лекарство? Может, это наркотик».

Ему даже не сразу позволили изменить позу: только когда он сказал, что задыхается, разрешили привстать. Но приступ не остановился, дыхание мужчины сильно затруднилось. Лишь увидев, что его состояние критическое, конвоиры вызвали скорую помощь. Приехавшие медики сделали ему укол (вероятно, ввели бронхолитик или преднизолон), что немножко облегчило дыхание. Однако госпитализировать его не стали. Даже после приступа удушья человека поместили в изолятор.

Аллергический отек (синдром Квинке). Еще один засвидетельствованный случай — сильнейшая аллергическая реакция у задержанного с хроническим заболеванием. Свидетели вспоминают, что у мужчины «слизистая отекает, он начинает задыхаться».

Медики, которые анализировали эту ситуацию, предполагают, что это похоже на ангионевротический отек (отек Квинке). Также выяснилось, что у этого мужчины было редкое заболевание, требующее ежедневного приема медикаментов, но такой возможности у него не было. Это и послужило началу острого приступа: лицо и горло отекли, пострадавший посинел, едва мог стоять, держался за батарею, а ему при этом не разрешили даже присесть.

«Дальше кто-то крикнули, что нужен сильный антигистаминный препарат внутривенно. Спустя некоторое время кое-как дождались скорую, и медики ввели мужчине необходимые лекарства. После этого ему стало легче».

Этот случай показал, что без медицинского вмешательства человек мог задохнуться и умереть. Оказать необходимую помощь ему успели только чудом.

Эпилепсия. Среди задержанных были люди, страдающие эпилепсией. Для каждого из них жестокое обращение представляло особую опасность.

«Один молодой парень громко заявил: «У меня эпилепсия, мне нельзя лежать в такой позиции». Он не мог лежать лицом вниз с заломанными назад руками, как того требовали, потому что это могло спровоцировать приступ. Ему пришлось все время стоять, прислонившись к стене, чтобы не потерять сознание».

Еще у одного задержанного эпилептический припадок все же случился. Со слов очевидцев, медицинскую помощь ему оказали только утром. При осмотре он сообщил медикам: «Я ВИЧ-инфицированный».

Сахарный диабет. Крайне драматично развивалась ситуация с задержанным, больным диабетом. При обыске у него изъяли жизненно необходимые препараты инсулина и даже сахар (сладости), которые диабетики используют при резком падении уровня глюкозы. Ночью у этого человека, по рассказам свидетелей, случился тяжелый гипогликемический эпизод.

«Стало очень плохо, он начал терять сознание. Сотрудники РУВД отказывались вызывать ему скорую и заявили, что тот симулирует. Тогда другие задержанные тайком достали телефон и сами позвонили в скорую помощь».

Прибывшая бригада врачей констатировала критическое состояние мужчины (угроза диабетической комы) и настаивала на немедленной госпитализации. Лишь под давлением медиков начальник РУВД нехотя согласился отпустить этого задержанного.

«Фактически, врачам пришлось «отбивать» у милиции умирающего человека, который без лечения мог умереть в камере».

Этот эпизод подчеркивает полное равнодушие к жизни и состоянию задержанных, так как силовики пытались игнорировать даже очевидное смертельно опасное состояние человека.

Сердечно-сосудистые и онкологические заболевания. Среди задержанных были и люди с тяжелыми хроническими заболеваниями, и им медицинская помощь не оказывалась — так же, как и остальным. Незадолго до описанных событий один мужчина перенес операцию по удалению почки.

«Он кричал, что ему противопоказано такое обращение и просил вызвать скорую. В ответ на эти просьбы его начинали избивать еще сильнее».

Есть также сведения о задержанном мужчине с инвалидностью. У него было онкозаболевание. Вдобавок ко всему, мужчина страдал тромбозом и нуждался в ежедневном приеме медикаментов для разжижения крови (антикоагулянтов). Его пожилая мать всю ночь простояла у ворот РУВД, умоляя передать сыну лекарства. С собой у женщины были все подтверждающие диагноз сына медицинские документы и необходимые препараты. Но сначала сотрудники врали и говорили, что ее сына в Партизанском РУВД нет, но в итоге пакет с медикаментами все же приняли, но даже после этого еще долго не отдавали их задержанному. Только в 9 утра, после пересменки, руководство ознакомилось с его документами, а задержанного отпустили и разрешили принять медпрепараты.

Отказ в оказании медицинской помощи

Несмотря на тяжесть полученныхувечий и обострений хронических заболеваний, пострадавшим в Партизанском РУВД практически не оказывалась медицинская помощь.

Задержанные массово сообщают, что любые просьбы о враче или лекарствах игнорировались и даже вызывали новые вспышки жестокости.

«Люди пытались сказать: «мне плохо, мне нужны таблетки, мне нужен врач», но это игнорировалось и вызывало только еще большую агрессию».

Другой потерпевший подтверждает, что просить помощи было бессмысленно:

«После третьей просьбы я уже понял, что бесполезно у них что-то просить... Отвечали: «Тебе еще повезло, что пока живой»».

Фактически, силовики не только отказывались вызывать медиков, но и цинично продолжали избивать уже травмированных задержанных. Врачей старались не допускать даже к очень сильно избитым.

По словам очевидца, в течение ночи, которую он провел в Партизанском РУВД, бригаду скорой помощи вызвали только один раз. Однако вскоре тех двоих вернули обратно в камеру, несмотря на их тяжелое состояние.

«Вроде бы, даже один раз приехала скорая, вывели двух особо избитых людей».

Есть свидетельские показания, что утром 12 августа для осмотра некоторых потерпевших в РУВД все же вызвали медиков, но даже тогда осмотрели не всех.

«В районе 8 утра пришли врачи, мужчину с сердцем осмотрели. П. [мужчину с сильными побоями] осмотрели. Меня не осмотрели. Я сказал: «Можно и мне к врачу?», на что мне ответили: «С тобой все нормально»».

Другой задержанный просил передать врачам, что он тромбозник, и ему нужна особая помощь, ноказать ему помошь медикам так и не позволили.

Пострадавшие рассказывали и о том, что некоторые медработники, прибывшие по вызову, открыто обвиняли в происходящем самих задержанных. Один избитый, которому было очень плохо (он не мог ни лежать, ни прислониться из-за боли в боку) вспоминает, что врачи бросили в адрес задержанных ехидные фразы:

«“Вы сами сюда захотели попасть. Что вы там в городе цирк устраиваете?” Вместо лечения они заявили: “С вами все хорошо, ушиб. Выйдете из тюрьмы — езжайте в больницу, делайте снимки”».

Пострадавшему с подозрением на перелом ребер фельдшер также сказал, что с ним «все нормально» и отказался госпитализировать.

«Говорит: “Если я тебя отпущу домой сейчас, дойдешь?” — “Да, дойду” — “Да? Значит, с тобой все нормально”».

Воды, еды, санитарной помощи в РУВД практически не предоставлялось. Задержанные вспоминают, что их не кормили, а пить давали очень редко. Некоторым, кто уже терял сознание от обезвоживания и жары, давали немного послаблений и разрешали сделать пару глотков воды.

«Например, один задержанный дважды терял сознание от духоты и травм. Лишь увидев, что он шатается и практически отключается, сотрудники дали ему попить и усадили на стул».

Обстановка в подвале Партизанского РУВД оставалась антисанитарной: люди лежали на полу в собственных испражнениях, вперемешку с окровавленной одеждой. Некоторым пострадавшим даже в туалет выйти не позволяли, принуждая «делать под себя». В таких условиях состояние здоровья задержанных стремительно ухудшалось, но медицинская помощь оставалась недоступной вплоть до их отправки в изоляторы или больницы после освобождения.

Долгосрочные последствия и реабилитация

Даже спустя месяцы после событий августа 2020 года многие пострадавшие продолжали испытывать физические и психологические последствия полученных травм. Период восстановления растянулся на недели и месяцы, а некоторые повреждения, возможно, останутся с пострадавшими от пыток на всю жизнь.

Многочисленные физические травмы требовали лечения в больницах. Некоторые были госпитализированы сразу после освобождения. Так, например, один из потерпевших попал в 10-ю городскую больницу, где впоследствии провел на лечении 2 недели: ему наложили швы на раны, сделали рентгенографию (подозревали переломы ребер) и лечили множественные ушибы. После выписки он еще неделю провел дома на

больничном, и только после этого смог вернуться к работе. При этом мужчина отмечает, что после пережитого его здоровье так и не восстановилось.

«Ноги подкашиваются, спина болит. Если потянешь что-то — грудная клетка сжимается. Почки отбиты».

Другие избитые, даже те, кто не получил переломов, отмечали очень медленное заживление повреждений. Один потерпевший рассказывает, что ушибленная нога заживала около «двух месяцев», а на месте удара долго оставалось уплотнение. В дальнейшем ему пришлось пройти дополнительное медицинское обследование, включая УЗИ и консультацию сосудистых хирургов.

Еще у одного пострадавшего после побоев около месяца немели пальцы руки, вероятно, из-за повреждения нервных окончаний (сам свидетель связывает это с ударом дубинкой и перетянутыми запястьями).

Некоторые травмы могли привести и к инвалидности: так, например, подвыvих шейного позвонка сначала себя не проявлял, но спустя некоторое время у потерпевшего «заклинило шею», пришлось вызывать скорую и проходить лечение уже за границей. Без надлежащей реабилитации подобные травмы позвоночника опасны хроническими болями и ограничением подвижности.

У многих пострадавших в последующем проявились и **психологические последствия пыток**. Пережитое для них стало причиной тревожных расстройств, страхов и посттравматических симптомов. Один из избитых прямо говорит о диагностированном у него «паническом расстройстве»: после тех событий он страдает паническими атаками.

«Дергаюсь, если хлопнули дверью. Сны первое время снились, что я бью [кого-то] в каску, аж стекло разлетается».

Такие навязчивые кошмары и пугающая реакция на резкие звуки — типичные симптомы посттравматического стрессового расстройства (ПТСР).

Также некоторые пострадавшие отмечают, что до сих пор не могут спокойно вспоминать пережитое.

«Иногда не верю, что со мной это происходило... Стараюсь не думать».

Даже те, кто внешне держится, признают, что стараются не думать о случившемся, понимая, что «могло быть и хуже».

Потеря здоровья напрямую повлияла на **финансовое и профессиональное благополучие** пострадавших от пыток. Люди вынуждены были тратить время и деньги на лечение, сталкивались с непониманием на работе.

Известен случай, когда руководство хотело уволить сотрудника за длительный больничный. В последующем конфликты возникали и потому, что мужчине часто пришлось отлучаться на приемы к врачу и проходить восстановительное лечение.

Официально зафиксировать травмы потерпевшим также было непросто. В государственных медицинских учреждениях врачи опасались указывать причиной травм и повреждений избиения и пытки. Один потерпевший рассказал, что в травмпункте врач нервно отреагировал на его слова об избиении дубинками и намекнул, что не может этого написать, потому что «все травмы просматриваются РУВД, и ...приедут ко мне домой и возбудят уголовное дело». В итоге врач написал в справке ложную причину травм («упал»), чтобы не привлекать внимания милиции.

Таким образом, пострадавшие от пыток граждане не могли рассчитывать на справедливое расследование своих инцидентов внутри страны, большой проблемой стало даже получение объективных медицинских документов о полученных увечьях.

ЛИЦА, ОТВЕТСТВЕННЫЕ ЗА ПЫТКИ ЗАДЕРЖАННЫХ В ПАРТИЗАНСКОМ РУВД Г. МИНСКА

«И кто-то сказал: «Что я буду подписывать? Можно хоть прочитаю?» И милиционер или кто он там, омоновец, я не знаю, сказал: «Ты, животное, я сейчас тебе все пальцы сломаю, если не подпишешь»».

Из показаний потерпевшего

Авторы документа считают необходимым указать лиц, ответственных за массовые пытки в Беларуси и в Партизанском РУВД г. Минска в частности, и виновных в безнаказанности данных преступлений.

1. Лицо, занимающее пост президента Республики Беларусь, **Лукашенко Александр Григорьевич**.
2. Министр внутренних дел Республики Беларусь **Караев Юрий Хаджимуратович** (11 июня 2019 года —29 октября 2020 года).
3. Заместитель министра внутренних дел Республики Беларусь **Барсуков Александр Петрович** (2017–2020).
4. Начальник Главного управления внутренних дел Минского горисполкома **Кубраков Иван Владимирович** (с 29 октября 2020 года — министр внутренних дел Республики Беларусь).

5. Командир ОМОН ГУВД Мингорисполкома **Балаба Дмитрий Владимиевич**.
6. Генеральный прокурор Республики Беларусь **Конюк Александр Владимирович** (2011–2020).
7. Генеральный прокурор Республики Беларусь **Швед Андрей Иванович**.
8. Председатель Следственного комитета Республики Беларусь **Носкович Иван Данилович** (10 ноября 2015 года — 11 марта 2021 года).
9. Председатель Следственного комитета Республики Беларусь **Гора Дмитрий Юрьевич** (с 11 марта 2021 года).
10. Прокурор г. Минска **Лаврухин Олег Владимирович**.
11. Прокурор Партизанского района г. Минска **Борисенко Сергей Владимирович**.

Сотрудники Партизанского РУВД г. Минска являются должностными лицами, которые проходят службу и подчинены Главному управлению внутренних дел Минского городского исполнительного комитета. Все сотрудники являются либо сотрудниками Министерства внутренних дел, если они проходят службу, либо гражданским персоналом, которые осуществляют обеспечение деятельности управления и его техническое обслуживание (они являются государственными гражданскими служащими). Все сотрудники РУВД обязаны строго соблюдать законодательство Республики Беларусь, профессиональную этику, придерживаться моральных и этических норм, соответствующих их должности.

В Партизанском РУВД г. Минска, как и во всех остальных учреждениях МВД, установлена строгая иерархия должностных лиц, основанная на занимаемых должностях и специальных званиях — все нижестоящие сотрудники строго исполняют все приказы и распоряжения администрации РУВД.



Начальник РУВД и его заместители

«Один из этих подполковников, ему тоже пришла просьба, можно совершить звонок, а то все остальные уже позвонили, и он говорит: "А кто всем остальным вообще дал право совершать звонки?" Сидящий за мной парень говорит: "Белтелеком". Это был самый лучший момент вечера. Мы так искренне все смеялись, но потом он сразу начал орать, чтобы мы все стали на колени: "На колени, гниды! Вам что тут, лагерь?" Люди стали на колени, но оно того стоило».

Лицами, непосредственно ответственными за преступления, которые совершились в Партизанском РУВД г. Минска в период с 8 по 13 августа 2020 года, является высшее руководство районного управления — начальник и его заместители.

В связи со строгой иерархией все сотрудники РУВД подчиняются начальнику и его заместителям. Любые действия со стороны сотрудников совершаются по прямому приказу начальствующего состава или с их молчаливого согласия.

Руководство Партизанского РУВД приводит в жизнь преступные приказы системы МВД, которая охраняет авторитарный режим Лукашенко. От руководства РУВД в августе 2020 года в отношении задержанных граждан исходил основной посыл — осуществлять физическое насилие, создавать бесчеловечные, пыточные условия содержания граждан. Насилие и издевательства над задержанными обеспечивалось формальными и неформальными приказами, соблюдением строгой дисциплины среди сотрудников внутри РУВД.

Таким образом, все руководство Партизанского РУВД г. Минска несет персональную ответственность за события 8–13 августа 2020 года, проходившие в управлении.

«...кто-то начальнику РУВД приказал, начальник РУВД — своим замам и всем остальным, они передали всем остальным подчиненным. То есть оно идет так по цепочке. Кто начальнику РУВД приказал, значит, министр МВД или этот, который сейчас, потому что он тогда всем Минском управлял — Кубраков, а Кубраков управлял всем Минским и минским подразделением тогда. Он руководил всеми этими разгонами митингов».

Именно от старшего офицерского состава исходили основные приказы, направленные на применение насилия и бесчеловечное обращение.

«Единственное более менее нормальное отношение на РУВД было со стороны более младших сотрудников, которые за нами смотрели и охраняли нас. Это были молодые парни, даже после школы милиции сразу. А уже более высокие по званию ихние там командиры, либо кто они им, опять же было такое отношение, грубое. Причем было видно, что вот эти молодые ребята даже — на нашей стороне. Там что-то если у них просили, они говорили: "Сейчас, ребята, уйдет начальник, и мы вас туда-сюда, если нужно"».

№ 001



ФИО

Бурдюк

Дмитрий Евгеньевич

Дата рождения: 1980/01/31

Должность: начальник Партизанского РУВД

(до 17 декабря 2020 г.)

Звание: полковник милиции

Дата упоминания про занимаемую должность:

август 2020

.....

«Меня обыскали. Время от времени заходил в зал этот в белой рубашке мужик. Я сегодня попытался найти, кто это. Он чем-то похож на главу Партизанского РУВД. Я посмотрел несколько чинов, которые у них вывешены на сайте, посмотрел фотографии. А он мне очень запомнился, то есть он был достаточно мерзкого поведения. Это он говорил, что «вас всех убьют». Он, в какой-то момент, я заметил, зашел в зал с белой ленточкой на руке. Ну то есть глумился, мне кажется, он скорее. И он же потом запихивал нас в тачку, когда нас везли на Окрестина».

«Все, так нас продержали до утра, приходили периодически какие-то старшие по званию, шастал какой-то мужик в штатском и с рацией. Мы так с ребятами поняли, что это глава РУВД. На сайте эти две рожи есть. Что-то командовал».



ФИО

Арловский

Юрий Леонидович

Дата рождения: 1979/11/02

Должность: заместитель начальника Партизанского РУВД;
начальник отдела управления уголовного розыска кри-
минальной милиции

Звание: полковник милиции

Дата упоминания про занимаемую должность: август
2020 / апрель 2025

«Нас вывели уже сотрудники ОМОНа. Там был уже какой-то мужчина, он был без балаклавы. Он был низкий, довольно уже лысеющий, даже, мне показалось, немножко есть живот такой. И он был очень агрессивен, и он у них был главный. Там был еще похожий [на него] мужик в Партизанском РУВД, который тоже, видимо, был начальник, он тоже был очень злой, на него лучше было лишний раз не смотреть».

«Дальше прибежал где-то в три часа ночи какой-то начальник в полном обмундировании, начал кричать, то что «сукины дети, будете на милицию руку поднимать», начал махать своей дубинкой, там не знаю, кому попало, кому не попало. Сказал, чтобы мы до девяти утра стояли на коленях. Он пришел, покричал-покричал, пришел, наверное, еще через минут десять, уже без формы, уже был все, молчаливый. Ну понятное дело, никто не будет стоять до девяти утра на коленках, кто это выдержит вообще».

№ 003



ФИО

Ольшевский

Александр Федорович

Дата рождения: 1971/04/26

Должность: начальник милиции общественной безопасности Партизанского РУВД

Звание: полковник милиции

Дата упоминания про занимаемую должность: август 2020

«Они [сотрудники РУВД] не были очень разговорчивые, но на какие-то вопросы отвечали. Потом даже под утро чуть ли не реально разговаривали. Просто там периодически приходили какие-то люди в штатском, и такие все очень суровые были, сразу все заихали. Человек просто приходил, смотрел, говорил “нечего на улицу выходить”».

№ 004



ФИО

Близнюк

Александр Михайлович

Дата рождения: 1976/10/22

Должность: заместитель начальника милиции общественной безопасности

Звание: подполковник

Дата упоминания про занимаемую должность: август 2020

«Я знаю точно, что в какой-то момент за нами смотрели 2 подполковника, один из них невысокий, в кепке, а второй... у меня же отобрали очки, я не очень хорошо видел, он был высокий, с короткой стрижкой, очень подтянутый мужчина. Я знаю, что они подполковники, не потому что у них были погоны, а потому что они позвонили кому-то, своим сотрудникам РУВД, и сказали: “А какого хуя 2 подполковника сторожат задержанных, а старлеи прохлаждаются? Тебе не кажется, что тут что-то неправильно?”».

Nº 005



ФИО

Коледа

Наталья Евгеньевна

Дата рождения: 1973/02/27

Должность: заместитель начальника по идеологической работе и кадровому обеспечению Партизанского РУВП

Звание: полковник

Дата упоминания про занимаемую должность: август 2020

и сотрудников Партизанского РУВД

Все сотрудники Партизанского РУВД г. Минска, находившиеся в эти дни на его территории, в той или иной мере и форме принимали участие в преступных действиях против задержанных и после тщательного расследования всех их действий подлежат привлечению к ответственности за свои деяния.

Авторам расследования удалось установить, что у всех сотрудников Партизанского РУВД г. Минска был комплект формы черного цвета (как у ОМОНа), без опознавательных знаков, без нашивок, без указания звания. При этом сотрудники переодевались в нее, чтобы их невозможно было идентифицировать. Наличие такой формы давало сотрудникам РУВД возможность применять насилие к задержанным и при этом заявлять, что все насилие применялось при задержании или этапировании.

«[про черную форму сотрудников РУВД] Нет, там вообще ничего такого нету. И это даже не ОМОНовская, на которой знаки были. У этих [работников Партизанского РУВД] она не такая, она просто черная и без всяких опознавательных знаков. Тем более, там я даже видел, кто-то в берцах, кто-то в кроссовках в этой форме, кому как удобно было».

В ходе настоящего расследования авторы зафиксировали массовые случаи совершения преступлений, актов насилия, дисциплинарных нарушений, непрофессиональных и аморальных поступков со стороны сотрудников РУВД.

«Один из силовиков начал заводить с задержанными какие-то беседы. Голос был похож на того, кто бил задержанных, когда заполняли их данные. Он начал нам рассказывать, что силовики называют задержанных “слоники”, они придумали такой термин для тех, кто ходит на митинги, т. к. ими командуют “кукловоды”. Также он сказал, что еще есть координаторы, и они их пытались найти. Он был в балаклаве, но, видимо, ему жарко стало, когда людей бил, он разделялся и был в майке. На его предплечье была черная татуировка абстрактная в виде игл или имитации изогнутых лезвий ножей. Я часто видел подобные татуировки. Татуировка размером от плеча до локтя. По этой татуировке я смогу узнатъ этого силовика, а также по манере беседы».

По свидетельствам опрошенных граждан, основную карательную функцию при задержаниях в городе, транспортировке в автозаках, на территории и в помещениях Партизанского РУВД г. Минска 8–13 августа 2020 года наряду с сотрудниками РУВД осуществлял ОМОН (Отряд милиции особого назначения) ГУВД Мингорисполкома под руководством его командира **Балабы Дмитрия Владимировича**¹⁴. Именно он несет персональную ответственность за серьезные нарушения прав человека, совершенные сотрудниками ОМОНа после выборов 9 августа, в частности, произвольные аресты и жестокое обращение, включая пытки, с мирными демонстрантами.

«Те три сотрудника милиции, которые нас задерживали, куривали, возили в автозаке, были в балаклавах, черной одежде, не в милицейской. Они на всякий случай скрывались. Те сотрудники, которые нас водили на дактилоскопию, на фотосъемку, они были обычные милиционеры, в милицейской синей форме».

«Протокол, я запомнил одну фамилию — Козодой. Так звали сотрудника ОМОН. Ка-зо-дой... Ко-за-дой. Я не помню. Потом где-то в телеграм-каналах я видел идентичный моему

¹⁴ Внесен в санкционные списки Евросоюза и Великобритании за грубые нарушения прав человека в Беларусь после выборов 9 августа 2020 года.

протокол. Кто-то из моих чуваков, с которыми меня задерживали, выкладывал свой».

При брутальных избиениях ОМОНа и иных спецподразделений на территории Партизанского РУВД г. Минска присутствовали его сотрудники, которые ничего не делали, не препятствовали применению насилия, действуя в едином стремлении выполнить приказ командования.

«Они [сотрудники РУВД, которые присутствовали при преступном избиении задержанных] ничего, они сидели дальше. Для них это, наверное, как что-то привычное было. Вообще ничего не возражали, даже как бы внимания не обращали. Потом, когда уже эти уехали, это... сказали, что он уехал, мол, можете обратно спать. «До утра он не придет»».

«На всем пути из подвала к туалету или в какой-нибудь кабинет сидели курсанты, у которых было на погонах "К". Они все время говорили: «Ох, мы вас пиздить будем! Сколько можно ходить, блять? Что с этими людьми, какого хуя?» Угрожали нам весь путь».

«Сотрудники разрешали не стоять на коленях, предупреждали о том, что будет идти ОМОН или начальство РУВД».

«Вот эти ребята, которые нас охраняли, они каждый полчаса менялись, там был парень, по-моему, старлей, молодой совсем, и он нам сказал: «Вы можете сидеть, когда он будет идти, я вам дам сигнал, вы чуть что опять назад на коленки». Но в итоге он не пришел, все, мы до девяти утра так просидели, в туалет нас водили».

«[Вопрос о реакции на избиение со стороны сотрудников РУВД] Никак, они просто сидели. Они ничего не говорили. Они даже выходили — и все. Но потом, когда сам вот этот ушел сотрудник ОМОНа, нам милиционер сказал: «Можете сесть, если что, я вас предупрежу, когда он будет возвращаться»».

Следует отметить, что в основном силовики в эти дни пытались всячески скрывать свои персональные данные, именно поэтому на них не было бейджей с указанием фамилии, имени, должности и звания. Также многие из них носили балаклавы или медицинские маски на лице, что затруднило процесс опознания их потерпевшими.

«Он жалел, что не достроили спортивный зал, и некогда из-за нас, «идиотов», т. к. не даем им работать и отдохнуть. Он является сотрудником, который ездит на силовые задержания, т. е. это не ОМОН, а обычные милиционеры, но подразделение, которое выезжает на задержания с оружием, в шлемах, когда совершается какой-то грабеж и т. п. Майка черная, балаклава, черные штаны».

«Такой в возрасте, достаточно крепкий, здоровый. Он был в амуниции и, по-моему, даже в балаклаве, с дубинкой. Он снял шлем, положил его на стол, начал всех бить и поставил всех на колени. Там не думаешь, чтобы его как-то рассмотреть или запомнить. Ты становишься, ручки за спину, и закрываешь глаза в предвкушении удара».

«Кто выводил, я точно не скажу. Скорее всего, это были люди, которые нас и задерживали. Но, опять же, что-то там посмотреть никак невозможно, потому что головой вниз ты кроме своих ног — в лучшем случае — ничего не видишь. А поскольку передвигаться надо быстро, такие детали я не скажу. Голову вбок, я видел, что передо мной четыре человека стоят в такой же позе, как и я, и какая-то женщина стоит записывает с блокнотом, молодая; стоит какой-то человек в маске, не знаю, кто это был».

Именно от усмотрения сотрудников РУВД зависело, будет ли в тот или иной момент применяться необоснованное насилие, заставят ли задержанных долгое время занимать положения, которые причиняют физическую боль, или можно будет «отдохнуть» в нечеловеческих условиях.

«Ситуация была такая, что мы сидим многие на скамейках, остальные на полу, за нами все это время смотрело двое сотрудников РУВД, входит третий, говорит: «А хули вы тут все сели, у вас что тут, детский сад? Ну-ка все быстро встали и лицом к стене». Встали все лицом к стене, и руки за спину, стоим так, проходит бог знает сколько времени, потому что время нам говорили далеко не все, кто за нами смотрел. Приходит, как будто на смену, другой и говорит: «А какого хера вы все стоите лицом к стене, ну-ка все сели быстро на пол». Мы все садимся на пол. Потом приходит еще один: «Чего вы все на пол сели? Мы же для вас скамейки поставили. Вы хотите, чтобы мы скамейки убрали? У нас тут рань-

ше скамеек не было. — говорит он, — А вы ими не пользуетесь. Садитесь на скамейки». Сели на скамейки».

«Потом нас вернули обратно в подвал. Но тогда там снова была женщина, и я попросил у нее разрешение на пол сесть, и она сказала, что я могу сесть на пол, но я должен обязательно смотреть просто в стену».

«Под утро нас всех поставили на колени, руки за спину, и заставили контролировать нас рядовых. Рядовые в какой-то момент стояли, потом один из них стал на шухер возле двери и сказал: «Ладно, сядьте на пол, но как только я вам скажу, что идут, вы опять же становитесь на колени»».

В ходе подготовки данного расследования авторам удалось установить причастность сотрудников Партизанского РУВД к избиениям задержанных. Все свидетельства преступлений сотрудников зафиксированы в процессе документирования свидетельских показаний потерпевших и послужат основой для привлечения должностных лиц к ответственности за преступления против человечности.

*«И караулы менялись. За столом сидела сначала одна двойка, потом другая, причем там смешная история была, когда поменялся караул, заходит двое ментят и один с нашей стороны узнает, говорит, какой-то его товарищ, условно, «***, привет»».*

*«Приходил время от времени этот ОМОНовец страшный, угрожающий. Потом оказалось, что один из милиционеров Партизанского РУВД знает лично одного из задержанных и кого-то из них зовут ***, но я не знаю кто, потому что я смотрел в пол. Кто-то из них кого-то спросил: «***, как ты здесь, какими судьбами?», а он говорит: «А вот так», они вышли вместе, потом они оба вернулись и он шепотом нам всем передал, что всем будет 15 суток. Что все получают 15, что мы едем в тюрьму № 8 в Жодино. Единственная причина, почему мы все еще не там, это потому что нет свободного автозака».*

Противоправный характер действий как лиц, которые задерживали и неправомерно применяли насилие, так и сотрудников Партизанского РУВД г. Минска, были очевидны для каждого сотрудника.

«Работники РУВД сами говорили про нас между собой, что это те, которых по беспределу взяли. Они знали, что моя партия, 57 человек, это люди, которых взяли случайно на улице в 7 вечера».

«Один из этих подполковников, который запрещал нам позвонить и говорил: «Вот такой я нехороший человек». Он, когда какой-то поменьше чин заходил, и они что-то болтали между собой, поменьше чин говорит: «А это который?» — «А это которых по беспределу взяли»».

В ходе расследования были установлены конкретные сотрудники, которые совершили преступления в августе 2020 года в отношении задержанных на территории Партизанского РУВД г. Минска.

«Я запомнил трех человек. Эту женщину и того капитана... И запомнил того, кто из уголовного розыска. Он с короткой стрижкой ершиком, был в джинсах и рубашке с коротким рукавом, и с табельным пистолетом. Его я очень хорошо запомнил, потому что он командовал всеми этими избиениями утром. Я его потом увидел на ЧКБ».

«Постоянно менялись, постоянно приходили новые. Никогда не больше трех, обычно двое. Один сидит за этими столами, где проводились обыск, один стоит в дверях, одного из них мы называли «ковбой». Он очень высокий, он всегда в фуражке, в маске и он всегда держал руку на табельном оружии на кобуре и расхаживал немного широко. Он очень пристально на нас смотрел и кричал на нас: «Разговорчики!» Другого мы называли «Эйнштейн», он же «математик». Он начал с нами разговаривать про то, что Тихановская не могла победить в выборах, и говорит: «Сколько людей зарегистрировано на платформе «Голос»? Сколько из вас знакомо с наукой статистики?» Мы сразу решили, что он Эйнштейн, что он очень хорошо владеет математикой».

Примером идентифицированного сотрудника РУВД, который непосредственно применял насилие или отдавал приказы по применению неадекватного насилия, может служить **Шибко Виталий Викторович**.

№ 006



ФИО

Шибко

Виталий Викторович

Дата рождения: 1983/06/27

Отдел: ООПП

Должность: начальник отдела ООПП

Звание: подполковник милиции

Дата упоминания про занимаемую должность: август 2020

«Есть скамейки, на которых непосредственно омоновцы сидят и между этими скамейками нас всех ложили. Плюсом и минусом одновременно было то, что я в последних рядах заныривал в этот автозак.. А минус, потому что омоновцы имеют к тебе доступ открытый. И когда закрывалась дверь нашего автозака, товарищ Шибко Виталий Викторович сказал омоновцам: "Вы их обрабатывайте, пока едете"».

«Один полковник, я его потом увидел во всяких телеграм-каналах и узнал, Шибко Виталий Викторович. Коллега Шибко Виталия Викторовича сказал: "Они заебали, я бы их прямо здесь расстрелял"».

Сотрудники РУВД, которые проходили службу в августе 2020 года

Если вы знаете конкретных лиц, осуществлявших пытки и жестокое обращение с задержанными в августе 2020 года, просим связаться с Международным комитетом по расследованию пыток в Беларуси.

сайт: <https://torturesbelarus2020.org/ru/>

Email: contact@torturesbelarus2020.org

Telegram: [@ICITB2020_contact](https://t.me/ICITB2020_contact)

Гарантируем максимальную безопасность при коммуникации!

ПРАВОВАЯ КВАЛИФИКАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКОВ СИЛОВЫХ ОРГАНОВ БЕЛАРУСИ

«И вот часа в 3 ночи один из омоновцев, видимо, какой-то высший по званию, огромный как дом, вырвается в наш зал. Там ребята уже в полу-дреме сидят. Начинает орать: «Что у вас там за льготные условия? А ну все, сука, мордой в пол!» Всех, кто на передних рядах находился, он избивал, просто бил дубиной. «Что, посмели, сука, руку на милицию поднять?!», — начал нас избивать. Все мы в каком-то оцепенении остались в этих же позициях — на коленях и мордой в пол».

Из показаний потерпевшего

События 8–13 августа 2020 года, происходившие в Партизанском РУВД г. Минска, со всей очевидностью показывают, что его руководство и сотрудники нарушили свои должностные обязанности по защите прав граждан, выполняли преступные приказы, исходя из политических соображений — в целях борьбы с инакомыслием. В ходе широкомасштабной акции по всей стране они совершили ряд преступлений в нарушение как беларусских законов, так и норм международного права.

Доказательства совершения данных преступлений зафиксированы Международным комитетом по расследованию пыток в Беларуси в виде многочисленных показаний граждан и документов, представленных ими.

Они убедительно подтверждают, что силовики Министерства внутренних дел Республики Беларусь на территории РУВД Партизанского района г. Минска осуществляли массовые широкомасштабные и системные акты пыток и насилия, изdevательств и жестокого обращения с задержанными.

Задержанные в городе граждане, среди которых были женщины, пожилые люди, несовершеннолетние, люди с различными хроническим заболеваниями, раненые и избитые при задержаниях, доставлялись в Партизанское РУВД, где подвергались организованному жестокому избиению путем прогона их через строй силовиков с дубинками (так называемые «коридоры \ лестницы смерти»)¹⁵.

Под непрерывные удары дубинками людей загоняли в подвал (тир) и актовый зал, где их продолжали избивать и держать сидящими на коленях на полу лицом вниз, независимо от пола и возраста.

Напуганных, больных, раненых и избитых граждан содержали в не приспособленных для содержания людей помещениях, где они не могли даже присесть, не говоря уже о возможности лечь и отдохнуть. При малейшем отступлении от требований силовиков (смена позы, разговор) следовали жестокие избиения.

Естественные человеческие потребности в РУВД не обеспечивались в полной мере. Задержанных не кормили все время пребывания, их ограничивали в питьевой воде. В туалет выводили по просьбам, при этом оскорбляли и избивали.

В отношении задержанных применялась грубая физическая сила, не обусловленная необходимостью поддержания порядка, что свидетельствует о явном превышении сотрудниками силовых структур своих служебных полномочий.

К задержанным гражданам применялось, кроме физического, и психологическое насилие. Задержанных всячески оскорбляли, пугали, угрожали. Некоторые потерпевшие рассказывают об угрозах расстрелом и казнью.

Медицинская помощь задержанным, как правило, не оказывалась, необходимые лекарства не выдавали, скорую медицинскую помощь вызывали в исключительных случаях. В результате пребывания

15 Такая практика «приема» граждан осуществлялась во всех РУВД города Минска 9–13 августа 2020 года.

в Партизанском РУВД у многих задержанных возникли большие проблемы с физическим и психическим здоровьем, у некоторых из них они носят необратимый характер.

В ситуации множественных нарушений прав граждан, их правовая защита на территории Партизанского РУВД была неосуществима. На просьбы задержанных вызвать адвокатов следовали отказы, угрозы и избиения. Административных процедур в виде судов в описываемый период времени на территории РУВД не проходило, некоторым задержанным давали на подпись сфальсифицированные протоколы задержания.

При отправке задержанных из РУВД в места изоляции правонарушителей людям сильно перетягивали строительными стяжками руки, избивали их. Задержанных заставляли проходить через «коридор» из силовиков, избивавших дубинками проходящих в автозаки людей. Мощные удары наносились по спине, голове, ногам и рукам. Людей загоняли внутрь автозаков, где их размещали вплотную друг к другу по тридцать и более человек. По дороге в ИВС задержанных продолжали немотивированно избивать. Весь этот процесс унижал человеческое достоинство задержанных, носил противоправный и чрезмерно жестокий характер.

Таким образом, действия силовиков в Партизанском РУВД г. Минска 8–13 августа 2020 года полностью охватываются составом преступления, предусмотренного статьей 128 Уголовного кодекса Республики Беларусь (преступления против безопасности человечества), согласно которой незаконное содержание в заключении, за которым следуют пытки или акты жестокости, совершаемые в связи с политическими убеждениями гражданского населения, наказываются лишением свободы на срок от семи до двадцати пяти лет, или пожизненным лишением свободы, или смертной казнью.

С точки зрения международного уголовного права изложенные выше акты насилия квалифицируются согласно подпунктам е), ф) и к) пункта 1 статьи 7 Римского статута Международного уголовного суда как преступления против человечности — в виде заключения в тюрьму или другого жестокого лишения физической свободы в нарушение основополагающих норм международного права, а также в виде пыток и других бесчеловечных деяний аналогичного характера, в том числе сексуального насилия, заключающихся в умышленном причинении сильных страданий или серьезных телесных повреждений или серьезного ущерба психическому или физическому здоровью.

Исходя из приведенных в данном расследовании фактов и свидетельских показаний, можно заключить, что преступные деяния силовиков на территории и в помещениях Партизанского РУВД г. Минска являются целенаправленными действиями в рамках сознательного широкомасштабного и систематического нападения на гражданских лиц на территории всей страны, и могут быть квалифицированы как международные преступления — **преступления против человечности**, что существенно отличает их от обычных преступлений и нарушений прав человека¹⁶.

Тезис о существовании преступлений против человечности в качестве преступлений вне зависимости от криминализации данного поведения по национальному праву — разделяет и Беларусь. Важно отметить, что поскольку преступление, предусмотренное статьей 128 Уголовного кодекса Республики Беларусь, относится к наиболее опасным преступлениям против мира и безопасности человечества, статья 85 Уголовного кодекса Республики Беларусь устанавливает, что лица, виновные в совершении этого преступления, **освобождению от уголовной ответственности или наказания в связи с истечением сроков давности не подлежат**.

¹⁶ См. Беларусь: Преступления против человечности. Правовая квалификация преступлений режима А. Лукашенко. Глава 2. Преступления против человечности: широкомасштабное и систематическое нападение на гражданских лиц. С. 21–30. https://torturesbelarus2020.org/wp-content/uploads/2022/12/belarus_prestuplen%D0%B8_ya_prot%D0%B8_v_chelovechnost%D0%B8_2021-1.pdf

